

18+

Юрий Юрьев

18+

За всё надо платить

Экстрасенс

Юрий Юрьев

Экстрасенс. За всё надо платить

«Издательские решения»

Юрьев Ю. Х.

Экстрасенс. За всё надо платить / Ю. Х. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672570-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я так и не узнал, что это был за старик, наделивший меня таким даром. Побывав неизвестно где, я обнаружил, что могу читать мысли людей, угадывать номера в лотерее спортлото, лечить болезни... Многие думают, что это здорово. А вы знаете, как будет чувствовать себя девушка, если узнает, что вам известно всё о чем она думает и мечтает? И не забудьте, что всегда найдутся люди которые захотят воспользоваться вашим даром в своих интересах.

ISBN 978-5-00-672570-6

© Юрьев Ю. Х.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Экстрасенс. За всё надо платить

Юрий Харлампиевич Юрьев

Дизайнер обложки Анна Александровна Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2025

© Анна Александровна Скрипаль, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-2570-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Все герои этой книги, а так же события и географические названия выдуманы автором.
Любые совпадения являются абсолютно случайными.*

Часть первая

Глава 1

Обморок, а точнее то событие, которое случилось со мной несколько раз на протяжении моих сорока семи лет, не было для меня провалом в небытие, после которого в памяти не остаётся ничего кроме пустой черноты. Когда моё тело пребывало в забытии здесь (во всяком случае, так это выглядело со стороны), для моего астрального тела, или, если хотите для моего сознания, это было очередным посещением какого-либо «иного» мира. Те места, где я побывал, были весьма разнообразными. Это практически всегда были миры, существовавшие много лет, а то и веков назад. Я «попадал» в тела совершенно разных и абсолютно незнакомых мне людей, которых никаким образом невозможно было связать между собой. Одни из них были молодыми, другие в преклонном возрасте, кто-то был богат, а кто-то влачил жалкое существование. Так как в новой своей ипостаси моя сущность надолго не задерживалась, в скором времени, возвращаясь назад в своё привычное тело, я, осваиваясь в новой реальности, первым делом старался узнать время, в которое попал. Иногда мне просто не верилось, что я нахожусь именно в том месте и в той эпохе. Настолько разнились мои представления о том времени, основанные на моих исторических познаниях в рамках средней школы, с тем, что я наблюдал своими глазами (ну, если быть точным, то, конечно же, глазами того человека в тело которого я попал).

И вновь мне хотелось бы подчеркнуть то, что «проваливаясь» в разнообразные уголки нашей планеты, я вовсе не смотрел на себя со стороны, как описывают некоторые эзотерики своё пребывание в астральных телах. Это вовсе не было путешествие моей тонкой оболочки, и моё сознание не витало призрачной, никому не видимой дымкой среди незнакомых мне людей и чужих городов. Как было уже сказано, я реально некоторое время жил в каком-то материальном плотном теле. Я ел, дышал и общался с жителями, населяющими эти миры на их родном языке. И всё это происходило до тех пор, пока всё та же неведомая сила, из раза в раз переселяющая меня неизвестно куда, брала и, будто играя в непонятные мне игры, возвращала мою сущность назад в моё собственное тело. В тело мужчины, всю свою жизнь прожившего в шахтерском городе Донецке. Я неоднократно задавал себе вопрос: «Почему именно я? Для чего этот кто-то выбрал именно меня, чтобы наградить тем, чем я теперь владею, и для чего нужны все эти путешествия?» По прошествии стольких лет я думаю, что всё же понял: в чём было дело и в чём секрет. Но, несмотря на все те невероятные события, которые со мной произошли, я и сейчас не до конца уверен, что все мои предположения являются истиной. А началось всё это ещё в детстве.

Осенью тысяча девятьсот восемьдесят второго года я был девятилетним мальчишкой. Рос я в обычной рабочей семье: папа шахтер, мама работала санитаркой в больнице. В тот день, как не раз уже случалось за мою недолгую жизнь, я лежал в кровати с температурой тридцать восемь и шесть. Состояние было отвратительное. Меня знобило даже под тёплым одеялом, а горло болело так, словно по нему прогулялся металлический ёршик, безжалостно содравший с гортани всю кожу. Я рос болезненным ребёнком и отменным здоровьем никогда не мог похвастать. Ангина многие годы моего детства была неразлучной спутницей в зимний сезон. В этом же году эта напасть подкараулила меня ещё раньше. Зима ещё не наступила, а я уже умудрился заболеть. Благо, моя матушка имела отношение к медицине, и у нас в шкафчике был просто склад всевозможных лекарств на все случаи жизни. В большой картонной коробке

можно было найти и средство от запора, и средство от поноса, лекарство от головы и от давления... Баночки и тюбики с мазями стояли особняком, так как им просто не досталось места в этой коробке. При случае мама щедро кормила этими пилюлями меня, отца и всех соседей, которые, при любых проблемах со здоровьем, знали, куда можно обратиться, чтобы получить экстренную медицинскую помощь.

Таблетка аспирина, выпитая мною несколько минут назад, ещё не начала оказывать своё жаропонижающее действие. Липкие, как паутина, мысли запутанным бесформенным комком заполняли мою тяжёлую голову. Вместо того чтобы успокоиться и отдохнуть хотя бы сейчас, они продолжали тяжело ворочаться, не давая мне расслабиться и отдохнуть. Я, по мере сил, пытаюсь обрести хоть какую-нибудь ясность сознания, пробовал от них избавляться. Однако, тем самым только ещё больше усугублял своё и так довольно плачевное состояние. Мысли никуда уходить не собирались, руками и ногами упираясь в мою болезненную черепную коробку.

Я лежал, закрыв глаза, и ждал, когда же, наконец, жар начнёт спадать, и мне станет легче. За тот короткий отрезок времени моей осознанной жизни, я уже, можно сказать, свыкся с таким вот состоянием. Смирившись с тем, что высокая температура всегда приводит к возбуждению ума и ужасной головной боли, на этот раз я сразу даже не понял, что со мной произошло. Внезапно моё сознание очистилось от навязчивых размышлений, а голова стала свободна, точно гулкая пустая комната, приготовленная для ремонта. Когда же мой мозг всё-таки осознал эту звенящую пустоту – перед глазами вдруг поплыли какие-то разноцветные круги. Такого со мной ещё ни разу не случалось. «Может быть, я умираю», – мелькнула в голове вялая мыслишка. Несмотря на всю трагичность такого предположения в столь юном возрасте, меня это почему-то нисколько не испугало. На какое-то мгновение я вдруг почувствовал тошноту и лёгкое головокружение, как во время качки на корабле. Однако в следующий миг моё Я, словно не удержавшись в таком шатком положении, будто сорвалось в бесконечно глубокую бездну. Все оставшиеся неприятные ощущения исчезли, моё сознание каким-то образом отделилось от моего тела и полетело куда-то в тартарары.

Полёт был недолгим. Я неожиданно оказался стоящим в какой-то ветхой деревянной лачуге. Хмурые, местами покрытые плесенью стены, холодный, грязного цвета земляной пол и низкий бревенчатый потолок... Он, казалось, сейчас рухнет и безжалостно раздавит моё маленькое детское тельце. Единственное маленькое окошко в стене было затянуто чем-то, что напоминало старую пыльную целлофановую плёнку. Через неё с большим трудом пробивался тусклый дневной свет, из-за чего помещение казалось ещё сырее и мрачнее. Всё это настолько поразило меня, что я даже сразу не обратил внимания на то, что у меня пропали все признаки болезни. Я зябко поёжился, переминаясь с ноги на ногу. Вверх от голых ступней пробежала мелкая дрожь, замерев неприятным холодком в районе живота. Если в кровати я лежал лишь в трусах, то сейчас был одет в какую-то свободную одежду, сшитую из грубой светлой ткани.

В сумраке комнаты я сразу и не заметил, что стою возле какого-то деревянного настила. Он лишь немного возвышался над полом, и на нём была навалена груда старых тряпок. Пока я, задрав голову, в немом недоумении разглядывал эту, по-видимому, землянку, из кучи тряпья, издающей весьма специфический неприятный запах, высунулась худая, костлявая как у покойника рука. Она бесшумно приблизилась к моей ноге и ухватила меня за щиколотку. От неожиданности я громко вскрикнул. На счастье горло моё тоже было вполне здоровым, и я, почувствовав возможность издавать звуки, хотел, уже было завопить изо всех сил, но тут тряпки зашевелились, и из-под них я услышал тихий старческий голос.

– Не бойся меня, отрок, – произнес он так жалобно, что мне сразу стало даже немного стыдно за мой испуг. – Я ничего плохого тебе не сделаю, – старик, или кто там был под этими тряпками, помолчал немного. Чувствовалось, что слова давались ему с большим трудом, и раз-

говор отнимал много сил, которых у него, по всей видимости, оставалось не так много. – Дай мне, пожалуйста, свою руку.

Я стоял ни жив ни мертв, удерживаемый не столько костлявой старческой рукой, сколько сковавшим моё тело страхом. Находясь словно под гипнозом, я покорно протянул свою ладошку в сторону тряпья. Рука незнакомца тут же отпустила мою ногу, и с удивительной проворностью, вовсе не свойственной умирающим людям, ухватила за запястье.

– Вот и молодец, – похвалил старик уже более уверенным, и, как мне показалось, даже повеселевшим голосом, – видишь, ничего страшного.

Мои глаза уже довольно хорошо освоились в сумраке помещения. Пристально глядя в то место, откуда раздавался голос, я увидел, как какая-то, непонятного покроя одежонка, которой был укрыт хозяин лачуги, сдвинулась в сторону и открыла моему взору голову старика. Длинные, спутанные в паклю седые волосы, такого же цвета и такая же, запущенная и неопрятная, широкая борода. Из-за нависших над глазами кустистых бровей, самих глаз почти не видно. Судя по длине настила и по величине тряпья, старик был довольно большого роста. То ли это был гипноз, то ли я толком не осознавал всего, что со мной происходит, но в тот момент мне почему-то вовсе не было страшно. Не было, пока я не почувствовал, как в том месте, где тонкие пальцы сжимали руку, в моё тело словно начали вливать горячую воду. Спohватившись, я попробовал высвободиться из захвата, но силы в руках старика оказалось гораздо больше, чем в его голосе. Его пальцы, которые из смертельно холодных и леденящих мою кожу, теперь превратились почти в кипятки, стальными раскалёнными клещами впились в мою детскую плоть.

– Ай-яй-яй, – завопил я, ощущая как тепло из руки очень быстро начало распространяться по всему телу.

Горячие ручейки, разбегаясь во всех направлениях, быстро согрели мой организм, а затем, в считанные секунды, превратили меня из замёрзшей сосульки в живой кипящий чайник. Я сделал ещё одну отчаянную попытку освободиться из плена, как вдруг мой мозг, к которому уже успела добежать горячая волна, словно взорвался ярким светом. Вспышка произошла у меня в голове, но я непроизвольно на миг зажмурился, словно опасаясь этим светом сжечь всё вокруг себя. Пол подо мной закачался и начал уходить куда-то в сторону, будто я стоял на доске, погружающейся в воду. Плавнo, точно в кино с замедленной съёмкой, я начал заваливаться набок. Пальцы, сжимающие мою руку, разжались, а я удивительно спокойно и, не ожидая ничего плохого, всем своим естеством переживал это необычное падение. Когда моё тело, наконец, мягко опустилось в горизонтальное положение, я вдруг ощутил привычные звуки моей комнаты. В нос ударили запахи лекарств и уксуса, которым мать смачивала компрессы на голову. Я понял, что вновь лежу в своей кровати. Аспирин уже подействовал, и моё тело было мокрым от пота. Ко лбу прикоснулось что-то холодное. Приоткрыв глаза, я увидел склонённое надо мной озабоченное лицо матери.

– Слава Богу, температура спадает... – чуть слышно произнесла она. – Серёжа, как ты себя чувствуешь? Водички не хочешь попить?

Я кивнул – говорить вновь было очень больно. Мать подала стоявшую на столе чашку с водой. Протянув руку, я инстинктивно взглянул на то место, за которое держались пальцы старика. Кожа была чистой, без каких-либо признаков ожога, хотя ещё несколько мгновений назад она, казалось, пылала огнём.

– Полежи ещё немного, пропотей хорошенько, – сказала мать, поправляя моё одеяло. – Потом я тебе сменю постельное на сухое... Может, ты кушать хочешь?

Я отрицательно покачал головой. Есть действительно не хотелось. С жадностью выпив всю воду, я отдал чашку матери и вновь закрыл глаза. Несмотря на слабость во всём теле, мне было гораздо легче чем до того как... А что, собственно, было? Сейчас, лёжа в своей привычной кровати, всё, что со мной произошло несколько минут назад, показалось болезненным бредом или, в лучшем случае просто кратковременным сном. Единственным отличием этого

сна от остальных было то, что он не поблёл, как другие через некоторое время, а сохранялся в памяти весьма ярко и живо. Теперь-то я знаю почему.

После всего, что со мной происходило в продолжение жизни, я понимаю – это был вовсе не сон, а реальное перемещение во времени и пространстве в незнакомое мне тело такого же подростка, как и я сам. А, может быть, всё же знакомое, но забытое мной при рождении? Может быть, я просто побывал в одной из моих прошлых жизней? А если нет, то кто был тот мальчишка и тот старик, который передал мне свой дар? Для чего он это сделал? Чего хотел поиметь, безвозмездно отдав свой дар незнакомому человеку, ну и главный вопрос: для чего мне всё это нужно?

* * *

Первое событие, явно не вписывающееся в рамки всего того, что я умел раньше, произошло уже приблизительно через неделю после моего избавления от ненавистной болезни. Придя со школы, я, как обычно, первым делом направился на кухню, чтобы «заморить червячка». Последним уроком у нас в этот день была физкультура. У меня – это один из любимых школьных предметов, поэтому, несмотря на освобождение, выданное участковым врачом после выписки, я тайком от родителей брал с собой в школу спортивную форму (благо, мой портфель никто не досматривал и не приставал с вопросами, что я туда складываю), и посещал любимый урок.

Сегодня активные занятия на свежем воздухе пробудили в молодом и восстанавливающемся после болезни организме зверский аппетит, а мой «червячок» поднял в животе настоящую панику. Не решил проблему даже, купленный у старушек по дороге домой, стакан семечек. В кухне за столом с сосредоточенным видом сидел мой отец Иван Игнатьевич Левченко – потомственный шахтер. Такое озабоченное выражение лица моего родителя, было большой редкостью, так как он всегда был весельчак и «балабол», как выражалась моя мамочка.

– Чего там, в школе? – буркнул отец, не отрывая напряжённого взгляда от карточки спортлото. Он, не замечая того, будто школьник решающий сложную задачу, усиленно грыз колпачок ручки, которую держал в грубой и темной от въевшейся в кожу угольной пыли руке. Перед ним на столе лежали ещё несколько карточек лотереи спортлото и исписанная цифрами тетрадь. – В прошлый раз выпадали угу, угу... – бубнил он сам себе.

Вопрос, заданный мне о школе, был скорее риторическим, так как сейчас всё внимание отца было поглощено подготовкой к очередному тиражу, и ему явно было не до моих отметок. Однако я по привычке ответил:

– Всё нормально. Сегодня получил две четверки.

– Хо-ро-шо, – задумчиво протянул заядлый, с некоторых пор, игрок в лотерею, увлечённый своим занятием. Я прекрасно понимал, что смысл мною сказанного до него не дошёл, но совсем не расстроился по этому поводу. – А в этот раз мы попробуем зачеркнуть восьмёрку, – вслух предположил отец, всё ещё не решаясь сделать окончательный выбор.

Я достал из холодильника кастрюльку с котлетами, выложил парочку на сковороду, подумал пару секунд и, добавив ещё одну, вернул остальные на место. Мать приходила с работы вечером, готовила еду, а нам с отцом, когда он был выходной, оставалось только доставать приготовленное из холодильника и разогреть.

– А если не восемь, а шесть? – бросил я через плечо, сам не понимая, что именно побудило меня тогда вмешаться в «сложный аналитический» процесс моего родителя.

– Шесть было в позапрошлый раз, – возразил тот, бросая пристальный взгляд: то на карточку, то в тетрадку со своими записями.

– А ты попробуй, – вновь не удержался я, хотя знал, что отец очень не любит, когда ему мешают сосредоточиться или влезают в его дела.

После того, как этим летом на экраны кинотеатров вышел фильм «Спортлото 82», страну захлестнул новый бум на эту игру. Не остался равнодушным и Иван Игнатьевич. Зарабаты-

вал он по тем временам, довольно прилично, шахтёров тогда государство ещё не обижало, а играл – скорее из азарта, чем ради денег. Уже несколько месяцев подряд отец каждую неделю неизменно покупал по пять карточек спортлото. Подолгу размышляя над тем, какие номера зачеркнуть он, казалось, решал в этот момент чуть ли не судьбу всего человечества или, как минимум, возможности существовать тому или иному виду спорта. Заполнив билеты, отец в этот же день относил их в пункт приёма, после чего с нетерпением ждал очередного тиража. Итог практически всегда был один – махнув от досады рукой, заядлый спортлотошник, выбрасывал смятые в комок билеты в мусорное ведро. Потерпев с десятков поражений, отец решил подойти к своему увлечению более основательно. Приобретя общую тетрадь, он начал регулярно отмечать результаты каждого тиража, чтобы потом можно было всё проанализировать и сравнить. Мать относилась к увлечению супруга вполне лояльно – полтора рубля затрачиваемые на пять карточек в неделю, большой прорехи в семейном бюджете не делали. К тому же – несколько раз за всё время её благоверный всё же ухитрялся угадать три номера из шести возможных и с гордостью получал в сберкассе по несколько рублей.

Отец, прервав свои размышления, медленно поднял голову и бросил в мою сторону пристальный взгляд. Он внимательно проследил за тем, как я выложил в сковороду с котлетами макароны, а когда от зажжённой спички вспыхнуло голубое пламя, спросил:

– И почему ты думаешь, что шестёрка выпадет в этот раз?

Я на миг задумался: «А действительно, почему мне пришла в голову именно эта цифра?» Не найдя никакого логического объяснения, я сказал, первое, что пришло на ум:

– Ну, мне так кажется.

– Кажется ему, – недовольно пробурчал отец, но я краем глаза всё же заметил, что он зачеркнул в карточке именно шестёрку. Помешивая ложкой макароны в сковороде, я мысленно улыбнулся. – Ну, а какие цифры ты бы ещё посоветовал? – вновь отозвался родитель, и уставился на меня будто удав, гипнотизирующий свою жертву.

Видимо ему самому уже на ум ничего толкового сегодня не приходило, особенно если учесть то, что вчера один из членов их бригады «проставлялся» за свой день рождения. Домой отец пришёл в изрядном подпитии, а сегодня мною было замечено, что в холодильнике открытый бутыль с солёными помидорами стоит вовсе без рассола. Я задумался и у меня в голове как-то сами собой появились ещё четыре цифры.

– Шестнадцать, двадцать два, двадцать четыре и тридцать один, – выпалил я на одном дыхании.

Отец скептически хмыкнул, но всё же послушно зачеркнул предложенные мной числа.

– Ну а шестую? – спросил он. Ручка замерла над карточкой в ожидании.

А вот последнюю цифру, которая крутилась у меня в голове и уже почти сорвалась с языка, мне в последний момент почему-то называть перехотелось. Тогда я не понимал, что может быть плохого в том, что родители получают довольно крупную сумму? Просто во мне обозвалась ещё молодая и не слишком развитая интуиция, предупреждая: «Достаточно пяти».

– Тридцать восемь, – сказал я совсем не то, что видел и чувствовал.

Отец не спеша закончил заполнять карточки.

– Ну, смотри мне! – он шутиливо пригрозил мне своим огромным кулаком. – Если не выиграет, фиг тебе, а не мороженое.

Я выложил горячие макароны с котлетами в тарелку и присел за стол. Отец у меня был хотя и строгий, сгоряча иногда мог и ремнём пониже спины перетянуть, но лишать ребёнка мороженого никогда бы не стал. Поэтому на этот счет я был вполне спокоен. Собрав заполненные карточки в тетрадь и встав из-за стола, отец, как бы между прочим, сообщил:

– Пойду, брошу в ящик, может заодно и пивка куплю.

– Пить вредно, – ляпнул я, и чуть было не подавился котлетой, тут же осознав свою непонятно откуда взявшуюся дерзость.

– Чего-о-о? – протянул, не столько разозлившись, сколько удивившись моему выпадку на самое святое родитель.

– Я в газете статью видел... – оправдываясь, слукавил я, чтобы избежать вовсе не нужного мне конфликта.

– Видел он, – недовольно продолжал бурчать отец из прихожей, натягивая куртку. – Лучше повнимательнее в учебники смотри, а не читай всякие дурацкие заметки, – кинул он мне напоследок и вышел.

Хлопнула входная дверь. Я не торопясь пережёвывал обед и своим детским умом безрезультатно силился понять, откуда, действительно, в моей голове появились все эти мысли: сначала номера спортлото, затем эти вот, о вреде пива. Так ничего и не придумав, я закончил трапезу и взялся за уроки.

То, что номера названные отцу будут выигрышными, я почему-то не сомневался. Я не переживал, не волновался, в общем, жил своей обычной школьной жизнью. Поэтому, когда в воскресенье, сидя у телевизора, услышал все озвученные мной цифры, кроме, естественно, одной, особых эмоций не проявил. Отец в этот день был на работе, а я, тихонечко порадовался своему успеху (всё же я был тогда почти ещё ребенок и если больших эмоциональных проявлений у меня не было, то чувство гордости раздулось словно большой мыльный пузырь), и ничего не говоря отцу, дождался, когда итоги тиража опубликуют в местной газете. Помню незабываемые эмоции моего родителя, когда он сличил цифры в газете с теми, что были зачёркнуты в его билетах. Взрослый мужчина на некоторое время превратился в маленького ребенка. Я впервые в жизни видел его в таком состоянии. Громко крича, отец обнимал меня и мать, и прыгал, словно ужаленный, в обнимку с выигрышным билетом, а когда получил деньги – купил самый большой, какой был в магазине, торт, килограмм шоколадных конфет и три пломбира. Для меня, ещё того сладкоежки, это был настоящий праздник, особенно, если учесть, что отец ни конфет, ни мороженого не ел. После сладкого стола, за которым родители «обмыли» выигрыш, небольшой дозой купленного по такому случаю коньяка, отец с загадочной улыбкой вышел в другую комнату. Вернулся он с десятком билетов спортлото на следующий тираж и торжественно вручил их мне.

– Ну, сынок, давай в том же духе, – напутствовал он меня. – Глядишь, так вскоре и машину купим... – мечтательно добавил он.

По правде говоря, если бы отец хотел купить машину, то уже давно бы она у него была. Куда уходила его зарплата в то время, я не знал, да мне это было и не особенно интересно. Но вот только в следующий раз, к его огромному сожалению, ни один из купленных им билетов не выиграл. И не потому, что я не знал нужные цифры, как раз напротив, я их прекрасно «видел» и теперь. Вот только моя всё та же интуиция, подсказывала, что не стоит так бессмысленно разбрасываться своим обретенным даром. «За всё в жизни нужно платить», – вертелась у меня в голове неизвестно откуда взявшаяся фраза, а внезапно обострившаяся язва у матери, после того, как отец получил выигрыш, почему-то показалась мне вовсе не случайной. Родители, естественно, тогда ни о чём таком даже и не подумали: ну обострилась, ну с кем не бывает, тем более что не в первый раз.

Тогда, будучи ещё, в общем-то, несмышлёным мальчишкой, я многого не понимал. Я совсем ничего не знал о карме, о том, что ничто, никакой самый заурядный наш поступок не остаётся без внимания Высших Сил, и за всё воздаётся соответствующим образом. Сначала я думал, что у меня просто обострилась, так называемая, чуйка на события, происходящие вокруг, но потом смекнул: это моё развитие пошло гораздо быстрее, чем у остальных моих сверстников. В те годы эзотерической литературы у нас в стране, как говорится, днём с огнем не сыщешь, а если она где и существовала, то, во всяком случае, у меня к ней доступа никакого не было. Это уже гораздо позже я прочёл и Блаватскую, и Лазарева, и много ещё такого же

и в том же духе, и не для того, чтобы узнать что-то новое, а, скорее, для того, чтобы сравнить то, что приходило мне в голову, с тем, что вещали известные эзотерики. А знания эти, хотя и не часто, приходили ко мне неизвестно откуда. Вчера, например, я ещё о чём-то вовсе и не помышлял, а сегодня вдруг знаю об этом всё. Сейчас эту базу данных, откуда приходят такие вот сведения, называют Хрониками Акаши или по-современному – Ноосферой, но тогда я и этого, естественно, не знал. Не могу сказать, что незнакомые, а иногда и непонятные мне мысли ко мне шли непрерывным потоком. Нет, конечно. Это были всего лишь, если можно так выразиться, точечные, одиночные вбросы в моё сознание чего-то такого, чего я в силу своих возможностей ниоткуда больше почерпнуть не мог. Ну и, конечно, изредка мои «провалы» в неизвестные мне места, о чём я говорил в начале моего повествования.

В общем, через некоторое время я уже вполне осознавал глубокий смысл фразы, пришедшей мне тогда на ум, и старался обращаться со своим даром крайне осторожно. Ведь дело в том, что Светлые силы дают что-то людям всегда лишь с одной целью: для того, чтобы человек мог развиваться духовно и нравственно. И если он использует свои необычные способности для саморазвития и во благо окружающим, то ему могут дать ещё больше. Но вот Тёмные... Эти «друзья» просто так ничего не дадут. Каждый подарок даётся с определённым умыслом и вовсе не безвозмездно. Им твоё развитие вообще ни к чему, а если их что и интересует, так это только сугубо материальные достижения. У них всегда только свой корыстный интерес имеется. Всякими правдами и неправдами эти лжетоварищи постараются тебя увести с праведного пути, ненавязчиво увлекая в такие дебри, что потом выбраться оттуда будет, ох, как нелегко. Сулить будут золотые горы, могут даже немного «подмазать», наделив чем-то таким, на что другие не способны или чего другие не имеют. Им главное так тебя охмурить, чтобы твоя гордыня и алчность взяли верх над всеми другими человеческими чувствами, и сколько ты за это впоследствии заплатишь, одному лишь Богу известно, ну и этим самым Тёмным, конечно. У них-то уже давно всё посчитано и тарифы на любую мелочь имеются.

Кем был тот старик, который передал мне необычные способности, и какие именно силы за ним стояли, я не понимал, поэтому решил без надобности не рисковать. Пользуясь необычным даром, очень легко можно было угодить в какую-нибудь неприятность самому, а то и причинить вред своим близким, как было с моей матерью. Я, конечно, сейчас благодарен и старику, и судьбе за то, что они мне подарили этот необычный дар. Не будь его, моя жизнь, наверное, была бы более пресной и не такой насыщенной. Я бы не побывал во многих местах, не испытал столько разнообразных эмоций, не встретил интересных людей и не... Впрочем, всё по порядку.

Глава 2

Звонок в дверь вернул меня в реальность. Мельком взглянул на часы – десять утра. Я прекрасно знал, кто именно ко мне пришёл, поэтому без всякого сомнения повернул защёлку замка.

– Братик, привет! Вижу, что ждал, – Валентина уже давно перестала мне звонить, чтобы предупредить о своём приходе. Я всегда знал, когда она собирается нанести мне визит, и безошибочно брал мобильник в руки за несколько секунд до её звонка. Свою двоюродную сестру я чувствовал, как никого другого. Она потянула носом воздух. – Травками пахнет, – улыбнулась и, слегка наклонившись, чмокнула меня в щёку. – Ты чего это сегодня небритый?

– Да так... – неопределённо ответил я, не желая вдаваться в подробности моей сегодняшней меланхолии и лени. С утра меня тревожило предчувствие чего-то волнительного, а чего именно, сколько я не старался, понять не смог.

– Смотри, а то забомжишься ещё, – шутливо произнесла Валентина и принялась раздеваться.

Пока сестра снимала плащ, я привычно окинул её своим особым взглядом. Несмотря на то, что старался сделать это незаметно, она всё же его уловила или почувствовала. Сняв второй сапог и обувшись в тапочки, купленные ею специально для себя, она обернулась и немного грустным голосом спросила:

– Ну и что ты увидел?

Родных братьев и сестёр у меня не было. Однако ещё в детстве моя двоюродная сестрёнка, которая была на два года старше меня, приходила к нам погостить со своей мамой – тётей Лидой – так часто, что мне казалось, будто она и не уходила вовсе. Поэтому, за неимением других братьев и сестёр, она для меня была самой, что ни на есть, родной. В отличие от многих семей, где между детьми частенько возникает некая конкуренция, у нас с Валюшкой всегда всё было поровну и по-честному. Девочки вообще взрослеют быстрее, и сестрёнка, на правах старшей, в нашей маленькой компании обычно проявляла ко мне особую заботу и внимание. Вот только в семейной жизни у нас с ней вышло по-разному. У неё – непьющий, (конечно не без моего участия), любящий муж и двое детей, а у меня – пустая квартира. Родители мои умерли один за другим несколько лет назад. Сначала умер отец. Ушёл, как говорят, тихо и спокойно. Просто заснул, как обычно, вечером, а утром уже не проснулся. «Лёгкая смерть», – судачили богобоязненные старушки на его похоронах. Мать пережила супруга на один лишь год.

Ну а с женщинами... А вот с ними у меня вообще по жизни как-то не сложилось и пошло наперекосяк. И всё потому, что, какой, скажите, представительнице слабого пола будет приятно осознавать, что тебя видят насквозь, и это в почти прямом смысле слова. Жаль, что всё это я понял слишком поздно.

* * *

Тёплым летним вечером, в один из выходных дней, я не спеша прогуливался по центральной площади города. Настроение было, как обычно, хорошее, поэтому я не мог не обратить внимание на фигурку одинокой девушки, стоявшей возле фонтана и время от времени бросающей быстрые взгляды в разные стороны. Лет ей было шестнадцать-семнадцать, и почему-то в этот прекрасный вечер на её милое, юное личико была накинута вуаль грусти и разочарования в жизни. Именно это обстоятельство и дало мне повод вовсе без какого-либо злого умысла влезть в её маленькую, русоволосую головку, чтобы поинтересоваться, какие такие грусти-печали одолевают её хозяйку.

– Симпатичный парень, – прочёл я мысль, мелькнувшую в голове девушки, после мимолётно брошенного на меня взгляда. Я улыбнулся незнакомке, но она, видимо, этого даже

не заметила, так как в следующую секунду уже смотрела в другом направлении. – Витьку можно уже и не ждать, и так почти час здесь торчу, – продолжала размышлять девушка и бросила в мою сторону ещё один тоскливый взгляд. Остановившись невдалеке, я делал вид, что любуюсь зелёными стенками внутренней облицовки фонтана. – Трепло он... Только и умеет, что красиво лапшу на уши развесить, а я дура и повелась, только время зря потратила.

Немилосердно палящее летнее солнце всего несколько минут как скрылось за крышами домов, и ещё недавно почти пустая площадь, вздохнув с облегчением, начала быстро наполняться людьми. Прошло около двух месяцев с тех пор, как я, вернувшись из армии, устроился на шахту по специальности, приобретённой в техникуме. Сегодня у меня был законный выходной, который я решил провести среди людей. Гуляя по городу почти каждый свой выходной, я в глубине души очень надеялся, что встречу, наконец, ту, с которой смогу связать свою судьбу на всю оставшуюся жизнь. Однодневные связи меня не очень интересовали – родители своей жизнью мне показали хороший пример счастливой семейной жизни. Конечно, как и в любой семье, были между ними и разногласия, и споры, но отец, как глава семьи, всегда проявлял благородство и снисходительность, а потому эти споры, не успев даже разгореться, быстро сходили на нет.

Невысокая девичья фигурка в джинсах и короткой, салатного цвета маечке с каждой минутой всё больше притягивала моё внимание. Девушка всё ещё на что-то надеялась и была далека от тех радостей и беззаботности, которые царили вокруг неё. Она упрямо, с печальным видом продолжала топтаться возле фонтана – главного места встречи влюблённых. Не прошло и нескольких минут, как в моей голове созрел простенький план.

– Девушка, а вас случайно не Ира зовут? – спросил я грустную незнакомку, решительно двинувшись прямо на неё. Имя я, естественно, не угадал, мне его выдал мой дар.

– Да, – на лице девушки промелькнуло неподдельное удивление. Я с интересом наблюдал, как она изо всех сил пыталась вспомнить, кто я и откуда её знаю.

– Не удивляйтесь, – улыбнулся я как можно непринуждённое. – Просто Виктор мне вас очень подробно описал.

– А зачем? – не поняла Ирина.

– Дело в том, – начал на ходу сочинять я, – что он попросил меня передать вам, что не придёт сегодня, и чтобы вы его напрасно не ждали.

Я не имею возможности извлечь какую-либо информацию из Ноосферы о человеке, которого не знаю лично и если не видел его хотя бы один раз. Однако могу получить доступ к его «досье», считав данные о нём в голове у того, кто его хорошо знал. Врать я не люблю и стараюсь всегда говорить только правду. Вот только, просканировав мысли моей собеседницы и ощутив тонкие эманации того человека, о котором она напряжённо думала всё это время, я понял, что лично для меня всё складывается как нельзя лучше. Витька – нынешний парень Ирины, был обычным бабником. Оказывается, таких, как Ирина, у него – хоть пруд пруди. Этот несчастный, (иначе про него я просто не мог подумать, так как здесь его ждала такая симпатичная девчонка) в это самое время без всякого зазрения совести пребывал в объятиях одной из своих многочисленных пассий. Выходило так, что я девушке вовсе как бы и не лгал. Единственное, в чём я и обманул юную красотку, так это в том, что именно Виктор просил меня ей это передать.

– Не придёт... – печально произнесла Ирина, не то вопросительно, не то как окончательное убеждение, а про себя подумала. – Ну и чего мне теперь делать?

– Вы знаете, – сказал я, подходя к девушке ещё ближе. Лёгкий летний ветерок подул в мою сторону, и я ощутил едва уловимый аромат её недорогих духов. – Я сегодня не планировал сюда приезжать, но раз уж так получилось, то как вы смотрите на то, чтобы погулять вместе?

«Ещё один жених выискался...» – прочёл я беглую ироническую мысль своей собеседницы и поторопился добавить:

– Вы только не подумайте, что я навязываюсь. Если моё общество будет вам неприятно, то, не могу сказать что с удовольствием, но всё же поеду домой.

«Ну и чёрт с ним, с Витькой, – продолжала судорожно размышлять Ирина, отыскивая в голове правильное решение, – зря я что ли сюда тащилась? Парень и симпатичный, и, вроде бы, порядочный. Шахтёр, наверное – веки, словно подкрашенные тушью, чёрные от угля...»

– Так он точно не придёт? – решила всё же подстраховаться девушка.

– Точно, – заверил её я, изобразив искусственную печальку на лице. – Дело в том, что у него сегодня встреча с кем-то ещё...

– И с кем же? – пухлые губки Ирины, подкрашенные нежной розовой помадой, скривились в ироничной улыбке.

– Я точно не знаю, – соврал я, а сам постарался состроить такую гримасу, чтобы моей собеседнице сразу стало понятно, что у её парня далеко не деловая встреча.

– Поня-я-тно... – протянула девушка, сумев прочесть в моих глазах всё, что мне было нужно. По-видимому, она уже была осведомлена в любвеобильности своего ухажёра, поэтому восприняла эту информацию относительно спокойно. – Ну что ж, – наконец решила Ирина, – давайте прогуляемся. Как, кстати, вас зовут?

– Сергей, – с удовольствием представился я.

– И куда мы с вами пойдём, Сергей? – девушка уставилась на меня своими серыми глазами, с аккуратно наведёнными стрелочками. Мне всегда нравились восточные женщины, а также наши соотечественницы, которые своим макияжем подражали смуглолицым красоткам.

«Витька на „Никиту“ так и не сводил... Всё обещаниями кормил», – услышал я мысли моей собеседницы и, изобразив кратковременную задумчивость, предложил:

– Может, на «Никиту» сходим? Свежий фильм. Говорят интересный?

На лице Ирины отразилась такая игра эмоций и чувств, что я мобилизовал все свои силы, чтобы сохранить нейтральное состояние и не рассмеяться.

– Давай сходим, – ответила девушка, незаметно перейдя на ты. Я ощущал, как негативные эмоции быстро исчезают из её души, и вскоре в глазах Ирины остался лишь один живой интерес.

Фильм шёл уже не первый день, но у касс кинотеатра имени Шевченко толпилось множество народа. Я быстро сориентировался, в каком из четырёх залов показывали нужный нам фильм, и пристроился в хвост одной из очередей.

– Придётся немного постоять, – констатировал я своей спутнице факт, который она прекрасно осознавала и без меня.

– Постоим... – вздохнув, обречённо произнесла она.

За то время, пока мы медленно продвигались к окошку кассы – нашей заветной на данный момент цели, мы с Ириной перебросились всего несколькими фразами. Зато я смог довольно хорошо её рассмотреть. Русые волосы, завитые в крупные локоны, спадали чуть ниже плеч. Длинная чёлка прикрывала весь лоб и брови. Большие, выразительные глаза, пухленькие губы с лёгким следом макияжа, а также маленький носик, делали её лицо похожим на большую живую куклу. Роста, как я уже упоминал, она была не слишком большого, и если её макушка находилась чуть выше моего плеча, так это только благодаря высоким каблукам её перламутровых босоножек. Узнал я кое-что и из её жизни, сосредоточенно прислушиваясь к её мыслям. Правда, среди большого скопления народа делать это было гораздо труднее – в поток постоянно вклинивались внутренние диалоги тех, кто находился рядом и излучал более сильные эмоции, чем моя спутница. Вообще-то я старался как можно меньше пользоваться в жизни умением

читать мысли. Влезая, словно непрошенный гость, в чужую голову, я чувствовал себя весьма неловко. Было ощущение, будто я тайком, без спроса, заглядываю в раздевалку в тот момент, когда человек там находится полностью обнажённым и вовсе не подозревает, что за ним наблюдают. Однако Ирина мне очень понравилась, и мне не хотелось упускать возможность произвести на неё как можно лучшее впечатление. Войдя в кинотеатр, я словно наугад купил ей именно то мороженое, которое она любила, а также пачку кукурузных палочек, которые, как «случайно» оказалось, она просто обожала. Я был на седьмом небе от счастья, замечая, как размягчается и тает, словно пластилин в тёплых, умелых руках, её девичье сердечко.

В нахлынувшем на меня порыве чувств, я чуть было не совершил грубую ошибку. Когда мы с комфортом уселись в удобные мягкие кресла, погас свет, и моя рука уже почти начала движение в направлении колени моей спутницы, в её голове пронеслось: «Посмотрим, на сколько у Серёженьки (моё имя было воспроизведено с некоторой долей сарказма) терпения хватит... На какой минуте фильма он полезет обниматься, а то и целоваться? Или, как минимум, уложит свою пятерню на коленку..?» Я явно преувеличил в своих мечтаниях силу своего позитивного влияния на Ирину. Поблагодарив Бога за вовремя озвученную для меня подсказку, я занял удобное положение и смиренно сложил руки у себя на коленях, как какой-нибудь примерный школьник. Весь фильм я просидел спокойно, не делая никаких поползновений в сторону своей соседки, за что по окончании сеанса был поощрён приятными для меня мыслями. «А он ещё не такой плохой, как я думала. Обычно симпатичные парни ведут себя более развязно. Что ж, пожалуй, я разрешу ему себя проводить», – размышляла девушка, осторожно взяв меня за предложенную ей руку при выходе из кинотеатра. Люди, всё ещё находясь под впечатлением от просмотренного фильма, выходили молча – обсуждения начнутся немного позже, а я вертел своей физиономией по сторонам, дабы Ирина невзначай не заметила то умиление и самодовольство, которые я не в силах был скрыть.

Конечно же, я не упустил случая и воспользовался негласно предоставленной мне возможностью проводить мою спутницу домой. То, что она приезжая и живёт в общежитии, я узнал ещё стоя в очереди, но, вот, где конкретно, и в каком районе? Из тех мыслей, которые мне удалось перехватить, я так и не выяснил. Мы сели на троллейбус. Ехали довольно долго, как и остальные зрители кинотеатра, спокойно обсуждая просмотренный фильм. Время уже было довольно позднее и на остановке, на которой мы вышли, было безлюдно. В этом районе города я оказался в первый раз. Стоял тихий, безветренный вечер, почти ночь. Ирина теперь уже самостоятельно взяла меня под ручку, и я не спеша шёл с ней в указанном ею направлении. Без особого интереса задавая своей спутнице вопросы, на которые заранее знал ответы, я, тем не менее, с удовольствием слушал, как она на них отвечала.

– Ирка, ты? – послышался вдруг откуда-то из тени деревьев очень неприятный голос, скорее всего принадлежащий какому-то подростку. – А где Витёк? Это кто с тобой? Новый хахаль?

Мысли в голове у Ирины запрыгали с такой скоростью и в таком хаосе, что я понял лишь то, что её окликнул какой-то Генка – предводитель местной подростковой блататы. С Витькой, бывшим (надеюсь, что бывшим) ухажёром Ирины, тот, видимо, был хорошо знаком. Девушка ускорила шаг и с силой потянула меня за собой, но впереди в бледном свете фонарей, как чёртики из табакерки, выскочили два силуэта. Я быстро оглянулся назад. Ещё двое парней догоняли нас сзади. Страшно мне не было. Во-первых, потому что я со старших классов школы увлекался разными мужскими видами спорта: то занимался самбо, то ходил на бокс. Определиться, что мне больше нравится, я тогда так и не смог, зато в армии попал в морскую пехоту, где мнегодились все навыки, какие приобрёл на гражданке. Ну а во-вторых... Во-вторых, кроме способности читать мысли я к этому времени уже умел и ещё кое-что.

– И куда ж мы так торопимся? – ядовито осклабилась пятая тень, неспешно появившаяся из-за кустов и остановившаяся возле двух других, стоявших перед нами. Из-за того, что

освещение было слабым, а ближайший фонарь располагался прямо за спиной говорившего, лица его я рассмотреть не мог. – Ты, Ирочка, иди, иди... – голос зазвучал приторно-елейно. – А вот с твоим другом мы хотим познакомиться поближе. Когда ещё он в следующий раз к нам в гости пожалует.

Тот, кто вёл разговор, был человеком невысокого роста, с далеко не атлетической фигурой. Судя по его поведению и манере говорить, это и был тот самый Генка-главарь. Окружавшие нас члены его банды тихонько загыкали, поддерживая своего вожака. Голоса выдавали в них таких же подростков, как и предводитель, ребята постарше вряд ли бы захотели прогибаться перед каким-то мальчишкой-переростком.

– Никуда я не пойду, – заупрямилась Ирина. – И не приставайте к нам. А то я сейчас милицию позову.

Компания заржала ещё громче.

– Ириша, – шепнул я тихонечко своей спутнице, слегка повернув голову в её сторону, – ты, правда, лучше иди домой. Завтра встретимся там же, где и сегодня.

Однако девушка была настроена решительно и ещё крепче прижалась к моей руке. Делать было нечего, нужно было действовать быстро, пока малолетние подонки не опередили. Ирина, конечно, от всего сердца хотела меня как-то защитить, не понимая, что является сейчас настоящей обузой. Используя внезапность, я бы мог в считанные секунды уложить на асфальт всех четверых, но близкое присутствие девушки, да ещё её крепкая фиксация одной моей руки, лишало всякой мобильности и возможности провести необходимые мне манёвры. Пришлось использовать так называемый вариант «Б». Первостепенной задачей в уличных столкновениях всегда является нейтрализация главаря. Оставшись без руководящей и направляющей силы, вся остальная братия будет уже не так опасна и более сговорчива. Я устремил свой особый взгляд на немощную Генкину фигурку. Благо, было темно, и никто, особенно Ирина, не мог разглядеть, как зрачки моих глаз резко потемнели и расширились. Умертвлять эту мелкую шушару я, конечно, не собирался, не нужен мне был ни криминал, ни кармическое воздаяние за этого ублюдка. Однако проучить налётчиков как следует было нужно, и свою воспитательную работу я начал именно с предводителя.

Уже через несколько секунд, в сумраке я, конечно, не видел, но всем своим нутром ощутил, как ехидная улыбочка медленно сползла с Генкиной физиономии и превратилась сначала в гримасу удивления, а затем и страдания. Он, тщетно пытаясь сохранить своё самообладание, чуть заметно согнулся, и, стараясь не упасть в грязь лицом перед своими подчинёнными, осторожно положил левую руку на живот. В то время как левая рука начала делать лёгкие массажные движения, правая до белизны в костяшках сжалась в кулак. Воцарилось непонятное для всех молчание. Окружавшие нас налётчики, не понимая, что происходит, и почему их предводитель в решающий момент умолк, переглядывались между собой. Ещё через небольшой промежуток времени главарь, уже не обращая ни на кого внимания, начал подозрительно притоптывать на месте. Я мысленно улыбнулся, прочтя всю скороговорку мыслей, проносящихся в голове горе-налётчика. Парни, однако, были не так уж и глупы, и довольно быстро сообразили, что именно происходит с их предводителем, вот только почему у него живот прихватило так внезапно и в такой неподходящий момент, понять не могли. Генка не смог долго сопротивляться природе, а главное, моему воздействию на его организм. Издав громкий характерный звук, он, вовсе не ожидавший такого поворота дел, излил содержимое кишечника прямо в свои модные брюки. Даже в темноте было заметно, как то ли от напряжения, то ли от стыда вспыхнуло его лицо, и он, насколько ему позволяли прилипшие к ногам калоши, сломя голову, бросился в ближайшие кусты. Забыв про нас с Ириной, четверо оставшихся подростков не смогли удержаться и, забыв о возможной каре от руки предводителя, ржали ему вослед во всю глотку. Они тыкали пальцами в кусты, за которыми скрылся Генка, и растирали ладонями, бегущие

по щекам слёзы. Их паршивый коллективчик оказался таким же гнилым и говнистым, как и главарь после моего участия.

– Пойдём, Ириша, – проявил я инициативу и легонько потащил девушку к зданию общест-
жития, остальных членов банды я решил не трогать, во всяком случае пока.

Ирина сразу не знала чего делать: плакать или смеяться. Возле самых дверей девушка всё же не выдержала и прыснула. Страх, который она испытала при встрече со шпаной, пере-
шёл в робкий смех, а затем в истерику. Мне пришлось ещё некоторое время её утешать, погла-
живая по тёплой, упругой спине и по пахнущим шампунем волосам. А когда Ирина, наконец,
успокоилась, дружески поцеловал её в щёчку и, сказав: «До завтра», аккуратно подтолкнул
в приоткрытую загодя входную дверь. В дальнейшем, провожая свою девушку к месту её вре-
менного проживания, я больше эту компанию ни разу не встречал. То ли опозоренный главарь
распустил свою шайку, то ли они сменили место своего базирования.

Наш роман с Ириной, на радость мне, начал развиваться довольно бурно и успешно. Я
был на седьмом небе от счастья, не подозревая, а точнее сказать, не желая понимать того, что
благими намерениями дорога может привести вовсе не туда, куда мне хотелось бы. Это была
моя первая настоящая любовь, ради которой я забывал про всё на свете. Наша первая близость
на берегу моря, куда мы уехали на выходные, была просто фантастической. К тому времени я
уже достаточно хорошо изучил все мечты и чаяния своей подруги, и хотя фантазия у неё была
довольно богатая, сделал всё так, как она мечтала. Тогда я ещё был молод и глуп, и мне каза-
лось, что так будет длиться всю оставшуюся жизнь, и что счастье будет литься нескончаемым
потоком, будто из рога изобилия. Однако, эта самая жизнь повернулась ко мне вовсе не тем
боком, который хотелось бы лицезреть. Со временем, я всё чаще начал ловить на себе задумчи-
вый взгляд Ирины, а в моём присутствии её мысли становились какими-то сбивчивыми и труд-
ночитаемыми. Мне даже показалось, что она при мне умышленно либо старается ни о чём
не думать, либо тщательно перемешивает свои мысли так, чтобы из этого хаоса ничего невоз-
можно было понять. Я, конечно, старался пользоваться своим даром как можно реже, но жажда
всё время угождать и предвосхищать все желания любимой девушки заставляла снова и снова
вклиниваться в поток её размышлений. Тот, кто наблюдал за всем этим безобразием с боже-
ственной высоты, в конце концов, видимо, не выдержал и решил меня за это проучить. В одну
из наших очередных встреч Ирина, наконец, решившись, взяла и спросила меня прямо в лоб:

– Серёжа, – обратилась она ко мне как-то уж очень серьёзно.

– Да, Ириша, – широко улыбнулся я, не ожидая никакого подвоха.

– Скажи, а ты случайно мысли не можешь угадывать? Подсознательно я, наверное,
давно ждал этого вопроса и даже пытался придумать на него какую-нибудь шутилистую отго-
ворку, но всё равно он застал меня врасплох. Улыбка встревоженной бабочкой спорхнула
с моего лица. Я опустил глаза, не зная, что ответить. Всё, что я ранее понапридумал, вмиг
вылетело из моей головы. Ирина молча сверлила меня своими глазами-буравчиками, будто
и сама пыталась проникнуть в глубины моего подсознания. – Можешь не отвечать, – лицо
девушки погрустнело. Она тоже отвела взгляд куда-то в сторону, а её голос становился всё
тише и печальнее. – Я сама всё знаю.

Я бросил на Ирину вопросительный взгляд. – Я давно начала догадываться, а последнее
время, пожалуй, убедилась...

– Да что ты там себе придумала? – попытался возразить я, но она продолжала, словно
не услышав моей реплики.

– Понимаешь, Серёжа, когда любишь человека, то начинаешь чувствовать его намного
лучше, чем кого-либо другого, и безо всяких там способностей. Знаешь, – Ирина тяжело вздох-
нула, – мне почему-то кажется, что ты меня просто использовал в своих целях. Я не знаю для
чего именно, но использовал. И про своё знакомство с Витей ты тогда ведь тоже мне наврал..?

– Но я... – попытка как-то оправдать свои действия мне не удалась. Девушка аккуратно прикоснулась своей маленькой ладошкой к моим губам.

– Не надо, Серёженька, не оправдывайся. Я не хочу больше слышать ложь. Ты очень хороший, и я тебя люблю, но... давай просто расстанемся и всё.

Я всей своей сущностью ощутил, как тяжело давались Ирине эти слова, как болит и сжимается в груди её сердце, и эта боль, разливаясь по всему телу, тёмным осадком оседала у неё на душе.

– Пойми, я не могу общаться с человеком, который, как там говорят, «сканирует» мои мысли. Может ты всё это делаешь из лучших побуждений, скорее всего, так оно и есть, но... Давай расстанемся, пока наши отношения не зашли слишком далеко. Потому что, не знаю как тебе, а мне будет ещё больнее.

– Но мы же и так...

Я хотел сказать ещё что-то, но Ирина бросила короткое: «Прощай» и, развернувшись ко мне спиной, зашагала прочь.

С Ирой мы расстались. И самое обидное то, что в глубине души я понимал – она права, и получил я по заслугам. Я, как человек не лишённый романтики, хотел сделать наши отношения идеальными и не понимал, что иду к ним совсем не тем путём. Потом у меня, конечно, были ещё девушки. Сначала я так же, как и в случае с Ириной, старался им угодить, влезая в их святая святых – в их мысли. Но, раньше или позже, очередная моя пассия вновь говорила мне: «Прощай». Со временем я всё же осознал, что наступаю на одни и те же грабли, так как с каждым разом мои новые отношения становились всё короче. Когда я это понял, когда перестал обвинять девушек и окончательно убедился, что дело только во мне, я обратил внимание на ещё одну деталь. Познав в жизни очень бурную и яркую влюблённость, я с сожалением начал замечать, что быстро теряю к своей новой знакомой всякий интерес. Конечно, очаровать и соблазнить девушку на один вечер не составляло для меня никакого труда, но мне хотелось серьёзных и более длительных отношений. Хотелось создать крепкую семью, а вот с этим уже была проблема. Для меня исчезли в женщинах те самые загадочность и интрига, о которых столько написано во множестве романов. Сколько раз я встречал фразу, что супруги прожили вместе много лет, но так до конца и не узнали друг друга. Для меня же любой человек был, как открытая книга, которую я мог быстро и легко прочитать, либо вообще – сразу заглянуть на последнюю страницу, чтобы узнать, чем всё закончилось. А раз так, то мне после «прочтения» становилось скучно, не интересно и не было никакого желания вновь возвращаться в начало этой книги.

От Вероники – моей, видимо, последней попытки обрести семейное счастье, я, насколько мог долго, пытался скрыть свой дар. Чтобы не испытывать разочарования, старался вообще не заглядывать ей в голову, но... шила, как говорится, в мешке... Она тоже со временем всё поняла, а затем и узнала наверняка: мир не без добрых людей. Молча собрала вещи, типа, чего говорить, ты ведь сам всё уже давно прочёл в моих мыслях, и ушла обиженной, как и все предыдущие девушки. Ну а потом случилась авария на шахте, где я работал...

Привычно ловко управляясь с креслом-коляской (на костылях я тоже натренировался нормально ходить, но разъезжать на колёсах мне было более комфортно в моём просторном доме), я проводил сестру на кухню. Пока она выкладывала на стол: печенье, кусочек пирога и ещё какие-то вкусности, которые часто готовила дома, и на приготовление которых у меня не было ни таланта, ни желания, ещё раз её просканировал. Внешне она, казалось, ничем не изменилась. Невысокая, немного сутуловатая, в брючном костюме кремового цвета и с короткой стрижкой. Её всегда серьёзный взгляд больше подошёл бы строгой профессорше, нежели обычной кассирше из сберкасс. Очки, которые делали её сходство с научным работником ещё больше, она, благодаря мне, уже давно не носила, но я их не один раз замечал среди

прочих женских вещей в её элегантной кожаной сумочке. Зачем она их с собой таскала, если видела на все сто? Этих женщин разве поймёшь?

– Что тебе сказать, сестрёнка, – наконец ответил я на заданный ею вопрос. – Не бережёшь ты себя.

– Это я и сама знаю, – улыбнулась она, заканчивая приготовления к чаепитию. Чайник я закипятил буквально перед её приходом, и заварник с ароматным травяным чаем поджидал на столе мою гостью. – Ты мне конкретно скажи, а то что это, я зря, что ли, к тебе полгорода проехала?

– Так ты только ради диагностики ко мне пожаловала? – деланно возмутился я. – А просто проведать братца ты бы не приехала?

– Не шуми, братец-кролик, – шутливо ответила сестра, – конечно же, я приехала тебя проведать, но раз уж подвернулся случай, то почему бы нам не совместить приятное с полезным?

Валентина уселась на табуретку, подпёрла румяные, пухленькие щёчки кулачками и вопросительно уставилась на меня своими чёрными глазами. Волосы она всю жизнь красила под цвет глаз, а вот костюмы предпочитала более светлых тонов. «Просматривая» её, я обратил внимание на то, что у неё усугубилась проблема с поджелудочной железой. Диабета, конечно, ещё нет, однако инсулинорезистентность налицо. Но иначе и быть не могло, учитывая почти патологическую любовь моей сестрёнки ко всему печёному и сладкому, как она только умудрялась не набирать лишний вес. Песочек в желчном стал превращаться в мелкие камешки, что в скором времени неминуемо обратится в желчекаменную болезнь, и в один не очень прекрасный день приведёт к операции. Кровеносная система... В общем, по сравнению с тем, что я видел в её прошлый визит, здоровье, мягко говоря, не улучшилось.

– Валюша, тебе нужно меньше сладкого есть, – уже в который раз я пытался наставить сестру на путь истинный. – И на всякие раздражители меньше обращать внимание.

– Да знаю я всё, – сестра отмахнулась рукой, словно отгоняя назойливую муху. – Ты каждый раз об этом говоришь.

– А ты каждый раз ничего не делаешь...

– Серёж, ну как тут будешь спокойной. Вовка всё никак не остепенится. Шляется по вечерам неизвестно где. Сидишь, полночи выглядываешь, думаешь: как бы чего с ним не случилось. Время-то какое. Не дай Бог, патруль остановит или за отсутствие маски придерутся... Поди потом докажи, что ты не верблюд.

– Но ему же уже тридцать лет – взрослый мужчина, а ты всё за ним, как за ребёнком маленьким, трясёшься, – попробовал образумить я сестру, разливая чай.

– Взрослый, а ума..? Был бы хотя бы женатым, так я может и успокоилась, а так... Не могу я, Серёжа, спокойно спать – сердце не на месте.

Я её прекрасно понимал. В городе и так беспокойно было, а тут ещё с весны пандемию объявили. Без маски теперь никуда, ни в одно учреждение или магазин не попадёшь. Где бывает Вовка, и что с ним может произойти, одному Богу известно.

– А что Ленка? – перевёл я разговор на более приятную для сестры тему.

– У неё, вроде бы, всё нормально. Работают с Лёней, Вадим учится.

С дочкой и зятем Валентине в жизни повезло, чего не скажешь о старшем сыне – Владимире. Тот с детства был, как говорится, оторви да выброси. Сейчас уже возраст перевалил за тридцатник, а в голове ещё сквозняк гуляет, и матери из-за него покоя нет. Успел побывать в горячих точках. Был ранен, правда легко, но всё равно комиссовали, а теперь вот – не знает, куда себя деть. Работу особо не ищет, всё надеется, что ему её на блюдечке принесут и уговаривать начнут. Только сегодня это не то, что лет десять назад, когда всё работало, и люди требовались во многих местах. Предлагал ему в шахту, но он скептически кивнул на мои ноги,

мол, сам калека и меня таким хочешь сделать, и решительно отказался лезть под землю. Вот так и болтается: либо у друзей, либо вообще неизвестно где.

– Ты мне главное скажи, – не отставала сестрёнка, – этой гадости у меня хотя бы нет?

Я понял, о чём она спрашивает. О коронавирусе сейчас не говорит только самый ленивый. С весны во всех новостях только и разговоры про пандемию: сколько заболело, сколько умерло. Естественно, Валюшка, работая в таком месте, где постоянный поток людей, и переживает о возможности заражения.

– С этим у тебя всё в порядке, – обнадѣжил я её. – Ты только цинк пить не забывай, чтобы иммунитет в надлежащей форме поддерживать.

– Да пью я, пью. И всю семью пою. Только его с началом эпидемии теперь в аптеках и не сыщешь. Люди тоже умные стали, знают, что лучше БАДы попить, чем потом химию глотать, да ещё и неизвестно: поможет – не поможет, выживешь – не выживешь. Это хорошо, что у меня одноклассница в аптеке работает, а так попробуй – достань.

– Вот и молодец, что пьёшь! Тогда давай за здоровье и за всё хорошее, – предложил я тост, поднимая свою чашку с чаем. – Я тоже полезные травки заварил, для профилактики, так сказать, и поддержания иммунитета.

Мы аккуратно чокнулись красивыми чашками из китайского чайного сервиза, которые я всегда доставал во время визита сестрёнки (для кого их ещё беречь) и принялись за сладкое. Не успел я сделать и пару глотков, как завибрировал мобильник. На дисплее высветилась фамилия Нестеров. Перед глазами возник образ седого мужчины за шестьдесят, маленького, суховатого – профессора медицины из центральной поликлиники.

– Слушаю вас, Пётр Андреевич, – сказал я, спешно проглатывая положенное в рот печенье.

– Здравствуйте, Сергей Иванович, – голос профессора, несмотря на его возраст, звучал довольно бодро, и по нему вряд ли кто дал бы ему больше сорока – сорока пяти лет. – Извините, что беспокою вас. Но вы же знаете, что я никогда к вам понапрасну не звоню.

Это действительно было правдой. Звонил профессор только в очень сложных и непонятных случаях. Как нас свела судьба, это вопрос другой, но в своё время я поставил ему очень жёсткие условия – никакого лечения, только диагностика и только когда действительно он сам, с высоты своего профессорского звания, не в силах разобраться. Если бы я тогда дал слабину, то, возможно, сейчас за моей дверью стояла бы огромная очередь из желающих поправить своё здоровье. У меня есть все необходимые данные, чтобы заниматься целительством и иметь весьма солидный доход, и Нестеров это прекрасно знал. Вот только меня это вовсе не интересовало. Во-первых, я много лет изучал вопросы кармических последствий после вмешательства в организм постороннему человеку, даже если он меня об этом и просит. Вваливать на себя чужой багаж кармы, меня как-то вовсе не прельщало. Ну а во-вторых, я очень ценю своё время, которого нам всем отведено не так уж и много, и которое ни за какие деньги уже не купишь. Всё свободное время (ну, почти всё, если быть полностью откровенным) я посвящаю йогическим практикам, практикам цигун и обычным физическим нагрузкам. Конечно, в позе лотоса, в силу обстоятельств, я не сижу, но для медитации и дыхательных упражнений это особенно и не нужно.

Я вовсе ничего не имею против настоящих целителей, которые избавляют от недугов сотни, а то и тысячи страждущих. Бывал и сам у такого, можно сказать, уникала. Самому проблему с ногами решить не получалось. Улучшения, конечно, были, но это меня не устраивало. Я прекрасно понимал, что всё не так просто, как кажется на первый взгляд, но попробовать решил, как говорится, на авось. Узнал я, что есть у нас в городе такой целитель, зовут Андрей Столяров¹, попытался попасть к нему на приём. Раз а три мне отказывали вообще в записи –

¹ Про Андрея Столярова читайте в трилогии Юрьева Юрия «Миссия».

видать, действительно не простой дядька оказался, чувствовал что-то, как и я, а может даже и ещё покруче, если по одной фамилии смог про меня всё определить. Когда в четвёртый раз отказали, решил ехать прямо к его, так называемой, лечебнице – авось калеке не откажет. И действительно принял он меня в тот же день. Вот только лечения никакого не было. Познакомившись, посидели, поговорили по душам. Он мне и говорит:

– Серёжа, ну зачем ты приехал? Ты же не хуже меня «видишь» и знаешь, что кармическая у тебя причина, и всё, что с тобою произошло, случилось неспроста. Не смогу я тебе помочь. А если и возьмусь, то ничего хорошего из этого не получится ни для тебя, ни для меня. Карма – она ведь штука серьёзная: слукавишь и попытаешься её обмануть в этой жизни – в следующей она тебя всё равно догонит. Так зачем тебе снова переживать одно и то же, может лучше уж отработать всё до конца сейчас?

В общем, этот Столяров только подтвердил моё отношение к целительству. Я (да и, как оказалось, не один я) теперь считаю, что любая болезнь – это ни что иное, как урок человеку за его неправильную или несправедливую жизнь, и справляться со своей проблемой он должен сам. Одно дело указать ему на причины недуга, другое – решать его проблемы за него. Моё (и, опять же, не только моё, но и более просветлённых людей) мнение таково: если болезнь излечима, то человеку никакой целитель не нужен, а если неизлечима – тут уж никакой лекарь не поможет.

– Здравствуйте, – ответил я не слишком приветливо, так как понимал, что стоит за этим звонком. – Что там у вас стряслось? – в ответ на укоризненный взгляд Валентины я только, как бы извиняясь, пожал плечами.

– Сергей Иванович, вы бы сегодня не смогли подъехать ко мне в поликлинику?

– Что-то серьёзное?

– Да. Весьма. Вопрос, если можно так сказать, жизни и смерти. Случай – очень интересный. Мы уже какие только исследования не проводили, анамнез собрали на три листа, а причину никак установить не получается. Не откажите, Сергей Иванович, уж больно человек серьёзный.

«Кто бы мог сомневаться, что человек серьёзный», – хмыкнул я про себя. Этот старый лис Нестеров никогда своего не упустит, да и самомнение у него тоже зашкаливает. Ради какого-нибудь труда, живущего на зарплату, волноваться и поднимать волну не станет. Здесь, либо действительно что-то интересное, и он хочет с этим разобраться по-настоящему, либо, что более вероятно, ему посулили большие деньги. Естественно, из этих денег и мне что-то перепадёт: каждый труд должен достойно оплачиваться, но львиная доля всё равно остаётся моему нанимателю. Вслух я сказал:

– Хорошо, Пётр Андреевич, через полчаса присылайте машину.

– Большое вам спасибо, что не отказали. Через полчаса ждите.

– Вот и погуляли, – улыбнулся я сестрёнке.

– Нестеров? – спросила она.

С этим старым эскулапом сестрёнка была хорошо знакома заочно из моих красочных повествований. Во время её визитов ко мне, я частенько рассказывал про самые интересные случаи из моей диагностической практики, чтобы хоть как-то мотивировать Валентину на более серьёзное отношение к своему здоровью.

– Ага, он самый, – подтвердил я. – Ладно, давай продолжим. Полчаса у нас ещё есть.

Глава 3

Машина скорой помощи приехала уже через десять минут, но я не торопился выставлять сестрёнку из дома. Договорились через полчаса – будьте любезны подождать. Опаздывать на какие-либо встречи, особенно если договорился или пообещал, я не любил, но и бежать сломя голову раньше времени тоже привычки не имел. Идеалом пунктуальности для меня всегда служил образ графа Монте-Кристо, который всегда являлся к месту назначенной встречи с точностью до секунды. Прерывать приятное чаепитие не хотелось, особенно если учесть наличие вкусняшек, которыми сестрёнка меня в этот раз угощала. Однако сегодня нормально провести время с Валентиной мне всё же не удалось. Не успел я съесть пару печенюшек и сделать несколько глотков чая, как почувствовал лёгкое головокружение. Благо, моё тело находилось в удобном кресле-каталке, которое и не дало мне свалиться на пол. Симптом этот был мне хорошо знаком. Обычно после него я терял сознание в этом мире, но через несколько мгновений, как ни в чём не бывало, продолжал бодрствовать уже в каком-то ином, обычно мне вовсе неизвестном месте и времени.

* * *

Моё новое тело было молодым и крепким. Никаких проблем с ногами и вообще со здоровьем. Живи себе и радуйся. Единственное, что меня беспокоило, так это присутствие в сердце какой-то необъяснимой тревоги, предчувствие чего-то нехорошего. Я ехал верхом на лошади по густому лесу, внимательно оглядывая всё вокруг. Цепкий взгляд моих зорких глаз привычно выхватывал любое малейшее изменение среди малоподвижной лесной растительности, а ум, по обыкновению, анализировал, какое именно существо выдало себя этим, едва заметным движением и насколько оно для меня опасно. Яркие лучи летнего солнца практически не пробивались сквозь кроны огромных, густых деревьев, поэтому здесь, у самой земли, было сумрачно и довольно прохладно. Несмотря на то, что на мне была лишь лёгкая, белая сорочка, сотканная из какого-то грубого волокна и расшитая замысловатыми узорами, мне не было ни холодно ни жарко. Зябко – так, наверное, я охарактеризовал бы своё состояние, и погода здесь была вовсе ни при чём. Лёгкий озноб исходил откуда-то из глубины тела и был обусловлен моими душевными переживаниями. Моё сознание, переселившееся в новое тело, тем временем пыталось как можно быстрее адаптироваться к новому «месту жительства» и к новому мышлению юноши, в которого я «попал».

Сделав глубокий вдох, я с удовольствием наполнил лёгкие подзабытым в городе ароматом прелой листвы, терпким запахом хвои и едва уловимым благоуханием лесных трав. Новая память, смешиваясь с памятью, оставшейся из прошлого, начала подбрасывать в мою голову картинки из жизни парня, что позволило мне в кратчайший срок идентифицировать себя в этом мире. Оказывается, я был сыном какого-то князя. Нужно отметить, что князь здесь вовсе не титул, передаваемый по наследству, как в моём настоящем времени, а выборная должность. Когда у русичей, в силу определённых обстоятельств, начало появляться много внешних врагов, в крупных городах стали образовываться боевые дружины. Они собирались из мужчин, обычно принадлежащих по рождению к касте воинов и в совершенстве владевших как искусством кулачного боя, так и умением драться на мечах. Не менее важным, а может даже и основным навыком, который приобретали с раннего детства, было умение крепко держаться в седле.

Званий типа майор или генерал в этом мире ещё не существовало. Вся вертикаль власти собиралась благодаря так называемому копному² праву. Из всей воинской орды вначале избирались сотники, те, в свою очередь, выбирали десятников, а эти десять самых лучших

² Копя (купа) – народное собрание лучших представителей родов и семей.

и уважаемых дружинников избирали между собой князя – верховного предводителя. Правил князь ордой или иначе дружиной не всю оставшуюся жизнь, а до тех пор, покуда без нареканий справлялся со своими обязанностями. Как только воинство видело, что князь потерял былую хватку или, что было совсем уж редко, допустил какую-либо оплошность в руководстве, то, несмотря на все его заслуги, он тут же переизбирался на более достойного.

Восстанавливая в памяти свои прошедшие годы, а было мне здесь лет пятнадцать – семнадцать, я и вспомнил, что являюсь сыном такого вот князя. Семейка у нас была многочисленная, не то что в том времени, откуда меня сюда занесло. У моего здешнего батюшки кроме меня было ещё трое сыновей и две дочери. Я был самым старшим из всех детей. Достигнув нужного возраста, то есть практически с того момента как начал ходить, ко мне приставили специального человека – наставника. Это был старик умудрённый большим опытом в воинских искусствах. Он-то и взялся меня готовить к будущей ратной службе. Несмотря на преклонный возраст, это был весьма живой и довольно крепенький мужчина, которого и старичком-то назвать было тяжело. Он ни в чём не уступал молодым парням в самом расцвете сил, а если учесть его способность виртуозно управлять живой – своей внутренней энергией, то он ещё многим мог бы дать фору.

В моей голове пролетели непривычные и мудрёные для меня «прошлого» названия приёмов местного рукопашного боя. Скруты, свили, плетение куделей... Что означают все эти термины, я ещё не мог осознать своим смешанным из двух половинок разумом, но мог дать стопроцентную гарантию, что случись какое столкновение с врагом, и моё тело с быстротой молнии смогло бы воспроизвести все эти старинные приёмы с филигранной точностью. Чувствовалось, что наставник не зря потратил больше десяти лет своей жизни на моё обучение. Вспоминая всё это, у меня в который раз ломались созданные в течение жизни стереотипы. Нас ведь всегда учили, да и продолжают учить тому, что в те времена, когда японские самураи да китайские монахи демонстрировали чудеса рукопашного боя, у нас на Руси мужики только и могли что коровам хвосты крутить. Но всё это оказывается ложь. Вот в эти, например, времена, куда я сейчас попал, общество делилось на варны. Кому положено было пахать землю, тот пахал, кому свою родню от врагов защищать, те сызмальства обучались ратному делу. Так что здешние воины обладали мастерством если не лучшим, чем япошки да китайцы, то, во всяком случае, несколько не уступали им.

Дорога, видимо, была длинной, и, продолжая путь, у меня на фоне моих размышлений возник новый вопрос: а куда я нынче направляюсь в сопровождении моего наставника? Моя новая память тут же выдала исчерпывающий ответ. Оказывается, я недавно окончил полный курс обучения всем видам воинского искусства, и теперь мне предстояло сдать один из положенных в таких случаях экзаменов. Заключался он в том, что меня оставят одного в лесу, вдали от всякой «цивилизации», и я должен буду выжить в условиях этого дикого леса в течение месяца. Естественно, никакого сухпайка здесь не предусматривалось, как говорится, чего поймал, то и твоё. Палатка также не входила в комплект для выживания. Единственное что я при себе имел, так это меч для самозащиты, острый, как бритва, кинжал, видимо, для разделки тушек и лук для того, чтобы эти тушки подстрелить. Так интерпретировала моё снаряжение моя старая память. «Хорошо, а тушки-то нужно на чём-то приготовить», – тут же промелькнула в голове рациональная мысль. Вспомнив про костёр, я инстинктивно опустил руку себе на бедро. В моей реальной жизни я не курил, но в кармане всегда была зажигалка с фонариком, так сказать – на всякий случай. В этой же жизни моя рука не нащупала даже кармана на широких шароварах. Что ж, придётся обойтись без зажигалки, авось в меня заложили также и знания о том, как это сделать.

Мой наставник, ехавший всё время позади, чуть прищипорил коня и, догнав меня, коротко произнёс:

– Подъезжаем.

Голос старика оказался низким и, несмотря, на то, что говорил он негромко, я ощутил в нём какую-то неестественную мощь. В моём мире вряд ли возможно отыскать людей преклонного возраста, имеющих такую вот невероятную внутреннюю силу (здесь не нужно путать с упрямством, чего у нынешних пожилых людей сколько угодно). Обычно у нас они в такие годы уже больные и нЕмощные. Я улыбнулся тому, что никогда раньше не придавал значения слову нЕмощный, то есть не мощный. «Пожалуй, – подумал я с уважением, – с таким голосом можно не только огромным войском командовать, но также, если применить его во всю силу, то и обратить врага в бегство». Правда, если про людей, которые своим голосом могут воздействовать на зверей, я хотя бы слышал, то про таких, чтобы целое войско могли остановить, даже не знал.

Мы выехали на небольшую поляну и остановили лошадей. Осмотрелись вокруг. Ничего особенного, обычная лесная поляна, что называется, в первозданном виде. Из-за того, что деревья расступились метров на восемь-десять, здесь было значительно светлее, чем в самом лесу, но прямые солнечные лучи попадали сюда лишь в полдень и на небольшой промежуток времени. С одной стороны поляны я заметил заросли каких-то кустарников с большими чёрными ягодами. Моя новая память мне подсказывала, что ягоды съедобные. «Это хорошо, – подумал я, – значит, уже с голоду не помру». Расфокусировав своё зрение, обнаружил, что всё вокруг шевелится, шуршит, жужжит, свистит, щебечет... в общем, живёт своей обычной лесной жизнью. С удовольствием спрыгнув с коня, я по колено погрузился в мягкую зелень травы. Краем глаза заметил, как из-под ног юркнула и тут же скрылась в этом зелёном море такого же цвета большая ящерица. «В какой век не попади, – пришла мне в голову мысль, – а лес и его обитатели всегда остаются прежними». Единственное, что отличало его от современного, так это непривычная высота деревьев, да отсутствие бытового мусора, который в наших лесах, где только не встретишь. «А, кстати, – вдруг подумал я, – а в какой, интересно, век я попал?» Навскидку – — век где-то девятый – десятый. Спрашивать у наставника было бы глупо, да и летоисчисление здесь, скорее всего, не такое, как у нас. Новый календарь, берущий своё начало от Рождества Христова, на Руси ввёл ведь Пётр Первый, а до этого у нас насчитывалось что-то около семи тысяч с гаком лет от сотворения Мира. Так что даже, если предположить, что наставник не сочтёт меня идиотом, а ответит на заданный вопрос, то не факт, что я пойму какой сейчас год по календарю из будущего. «Ладно, хорош бухтеть, – утихомирил я свой разговаривавшийся ум, – это сейчас не так важно. Сейчас важнее обустроиться в этом диком мире, о котором моя прошлая память вообще ничего не знает, а моя новая ещё не полностью восстановилась, а, точнее сказать, не воссоединилась со старой».

Вместо прощания наставник дружески хлопнул своей крепкой ладонью мне по плечу (он всегда был немногословен, к тому же, видимо, всё, что мне было нужно, уже было сказано) и, подхватив мою лошадь за уздечку, вскорости скрылся в лесной чаще. Оставшись один, я замер на несколько мгновений и прислушался: сначала к лесу, потом к себе. В лесу слышал множество звуков, присущих именно этому месту, и едва уловимый удаляющийся топот копыт, который с каждой секундой становился всё тише. В себе я ощутил нарастающее чувство голода и всё ту же непонятную тревогу, которая сопровождала меня весь наш путь к поляне. Не удержавшись от искушения, я первым делом направился к зарослям кустарника с ягодами. Это оказалась, как я, в общем-то, и предполагал, дикая ежевика или, во всяком случае, что-то очень на неё похожее. Ягоды были довольно крупные, но кислые. За прошедшие века селекционеры, видимо, хорошенько потрудились, чтобы сделать современную ежевику послаще. Не успел я утолить несколькими ягодами не столько чувство голода, но больше любопытство, как невдалеке где-то за деревьями послышался треск сухих веток, Моя рука инстинктивно легла на рукоятку меча. В это время на противоположной стороне колючих зарослей ежевики появился огромный медведь. Тот тоже не ожидал встретить в лесу чужака и замер так же, как и я, на месте. Наши взгляды встретились. Моя новая память мне услужливо подсказала

как необходимо смотреть в глаза дикому зверю и что в это время нужно думать. Первоначальный страх, выплывший было из глубин моей старой памяти, моё новое тело принимать в себя не захотело. Не исключено, что в юноше такое понятие как страх вообще не существовало. «Страх обычно возникает в том случае, если человек чего-то не знает или не понимает явления, с которым столкнулся, – объяснила мне моя новая память. – Ты всё знаешь и всё умеешь, поэтому опасаться тебе, конечно, нужно – это твой инстинкт самосохранения, а вот бояться глупо».

С такой постановкой вопроса я был вполне согласен, и спустя несколько минут дуэль взглядов завершилась в мою пользу. Косолапый житель дикого леса, несмотря на внушительные размеры и возраст, оказался более слабым духом, нежели человек, пусть и молодой. Медведь отвёл глаза в сторону и, недовольно рыкнув, развернулся и потопал назад в чащу. «Ничего, дружище, – улыбнулся я ему вслед, – потерпи месячишку моё присутствие, а там снова будешь здесь хозяином, никто у тебя этого права навсегда не отберёт».

В течение оставшегося до вечера времени я соорудил себе из хвороста на ближайшем от поляны дереве что-то типа лежанки. Спать даже на тёплой земле в лесу, кишасщем дикими зверями, не желал никто: ни я прошлый, ни я теперешний. Огня я так и не развёл – видимо, для местных жителей не так просто было это сделать в полевых условиях, а может и не так актуально. В общем, отложил эту проблему на следующий день. Ну а не имея костра, убивать какую-либо дичь смысла не было. Не знаю, как относились к мясу местные жители, но мне рвать зубами свежеразделанную плоть было явно не по душе. Судя по тем отвратительным ощущениям, которые испытало моё новое тело после того, как я представил себя грызущим отрубленную, ещё кровоточащую заячью лапку, мой бывший хозяин тоже такое не ел. Зато моя новая память мне подсказала как много съестного можно найти прямо у себя под ногами. Это были и те же ягоды, и многие виды трав, и разнообразные корешки, и даже листья некоторых деревьев. Про грибы я вообще не говорю. Такого их разнообразия и величины я не встречал даже в лесах Красного Лимана, когда мы всей семьёй выезжали на так называемую тихую охоту. В моей настоящей жизни истинным вегетарианцем я никогда не был (употреблял и яйца и рыбу), хотя о нём писалось во многих книгах прочитанных мною, но попробовав то, что нарыл (в прямом смысле слова) в лесу, понял, что могу прекрасно этим довольствоваться, во всяком случае, какое-то время точно.

Проблемы питания, как я в скорости осознал, для меня нынешнего вообще не стояли слишком уж остро. Я вспомнил, как бывший хозяин этого тела во время интенсивных тренировок свободно обходился вообще без какой-либо пищи порядка десяти дней, а иногда и более. Что для меня было действительно важно, так это вода, и маленький чистый ручеек я отыскал в тот же день. Располагался он не очень близко, но как говорится в поговорке: «Бешеной собаке и сто вёрст не крюк». Аккуратно сделав кинжалом в русле ручейка небольшое углубление, я дождался, когда ямка наполнится чистой, незамутнённой водой, и с удовольствием напился, черпая живительную влагу прямо ладонью. Вечер, резко перешедший в ночь, застал меня, спокойно сидящим на своём ложе на дереве, погружённым в свои мысли. Тьма в ночном лесу была просто непроглядная. Это вам не город, в котором из-за его яркой иллюминации никогда не сможешь заблудиться, но зато в небе всегда видны только самые яркие звёзды. Здесь звёзд не было видно вообще, но только лишь потому, что надо мной нависали густые ветки могучих деревьев. Я прислушался к звукам, которые в это время суток вовсе не походили на дневные. Ночью начинали свою обычную жизнь совсем другие обитатели леса, и большинство из них являлись хищниками. Вот что-то заухало вдали, в ответ на этот крик откуда-то с противоположной стороны раздался сердитый клёкот другой птицы. Где-то совсем рядом послышался заунывный волчий вой.

Я слушал и удивлялся дивным названиям пернатых, которые «озвучивала» мне моя новая память. В своём мире я особенно не интересовался ни фауной, ни флорой. Знал разве

что те растения, что росли у меня на приусадебном участке, да птиц, прилетающих зимой ко мне под окно, где я устроил для них кормушку. Эти странные названия птиц я не мог идентифицировать ни с одним современным, зато, когда моя новая память воспроизвела слово «Хорт», перед моим мысленным взором тут же возник образ дикого волка – зверя большого и грозного, со страшной разинутой пастью и горящими глазами. Несколько минут спустя осторожные шаги этого лесного хищника я услышал прямо под деревом, на котором расположился на ночлег. Несмотря на остроту моего молодого зрения, разглядеть зверя как следует я не мог. Видел лишь неясные очертания чего-то большого и чёрного, почти бесшумно шныряющего внизу и то и дело принюхивающегося к незнакомым ему запахам, оставленным мною днём.

В здешних местах волк был не просто лесным хищником, как у нас. Здесь он был чуть ли не священным тотемным животным. Его уважали и почитали. По местным преданиям он был, своего рода, связным между мирами Нави и Яви, то есть между миром живых и миром мёртвых на современном языке. Получив всю эту информацию, я подсознательно проникся уважением к этому лесному жителю и ещё некоторое время прислушивался к его крадущимся шагам. Когда они, наконец, удалились, я прилёг на ветки и вскоре заснул чутким сном.

Ночью меня ничто не потревожило, а утро встретило свежестью и бодрым щебетанием птиц. Я потянулся, прислушался (уже, видимо, по привычке) к окружающему меня пространству. Мне показалось, что что-то изменилось по сравнению с предыдущим днём, а главное, вновь появилось неприятное ощущение в области сердца, которое вчера к вечеру немного притупилось. «Ну что ж, – подумал я, отгоняя подальше дурные мысли, которые пыталась навязать мне моя старая память, – я сюда не на отдых приехал, а значит, нужно быть начеку. Если бы всё было так просто, то какое бы это было испытание? Так, прогулка, отпуск на природе...» Подбодрив себя такими мыслями, я слез с дерева и направился к ручью умыться и напиться. Как подсказывала мне моя новая память, после водных процедур мне надлежало как следует размять тело, после чего заняться дальнейшими исследованиями и обустройством своей лесной жизни.

Опасность я почувствовал ещё не доходя до ручья. Это уже был не робкий намёк моего организма, который я не смог идентифицировать всю дорогу сюда и весь вчерашний день, это был настоящий набат. Тревожный сигнал моментально привёл моё расслабленное тело в боевую готовность. Вмиг оно сжалось, как пружина, и было готово в любой момент распрямиться с невероятной скоростью, чтобы поразить любого противника, приблизившегося ко мне на расстояние вытянутой руки. Благо с мечом, кинжалом и луком я приучен был не расставаться ни при каких обстоятельствах. То, что это не дикие звери, не простые грибки и не обычные охотники, бродившие по лесу в поисках добычи, я ощущал каким-то неизвестным доселе мне чутьём. «Видимо, начинается, – с усмешкой подумал я, прислонившись спиной к стволу старого дерева. – Ну что ж, никто и не говорил, что будет легко». Повинуясь неведомому моей старой памяти, но, видимо, хорошо знакомому моему новому телу инстинкту, я развернулся к дереву лицом и обнял его руками, словно близкого родича. Полностью обхватить могучий ствол у меня не получилось из-за его толщины, но в то же мгновение, как моё тело слилось воедино с этим гигантом, сознание тут же объединилось с сознанием старого, мудрого дуба и стрелой взлетело ввысь до самой его макушки. Казалось, что мои глаза теперь находятся на каждом листочке, едва колышущемся на лёгком ветру. Этим всеобъемлющим зрением, видящим одновременно во всех направлениях, я осмотрел ближайшие окрестности. Мои ощущения теперь подтвердились визуально. Рассредоточившись по лесу, в сторону поляны, на которой я остановился, продвигались неизвестные мне воины. Было их человек двадцать. Стараясь издавать как можно меньше шума, чтобы остаться незамеченными, они, маневрируя между деревьями и кустарником, неуклонно приближались ко мне.

Моя старая память подсказывала, что принимать бой в одиночку, несмотря на всю мою прекрасную подготовку, было бессмысленно. Я отпустил ствол дерева, и необъятное видение

сразу же уменьшилось до пределов зрения моих глаз. Однако расставаться со своим помощником я не торопился. Поплевав по старой привычке на ладони, я с проворством обезьяны начал карабкаться по шершавому стволу. И вновь мне пришлось расстаться с некоторыми своими стереотипами. Кто бы мог подумать, что обычный человек, имеющий себе в подмогу лишь один кинжал и крепкие пальцы, способен на такое. Не прошло и минуты, как густая крона старого, раскидистого дуба скрыла меня от глаз приближающихся врагов. Вскоре я услышал под собой их тихие шаги. Сквозь прогалины между ветвями были видны мощные торсы и хмурые лица врагов, вооружённых мечами и щитами. Шли они молча, лишь изредка подавая друг другу какие-то условные знаки.

Пока воины не скрылись из виду, я быстренько «влез» в мозги одного из них. Он, проходя под деревом, бросил осторожный взгляд вверх, и я сумел его перехватить. Теперь у меня появилась возможность слегка «покопаться» в его голове. То, что я услышал, меня не порадовало. Оказывается, это был всего лишь передовой отряд – разведка по-современному. Основная же часть войска находится в нескольких верстах отсюда, ожидая сведений от разведчиков. Мои слабые надежды на то, что это всего лишь люди, нанятые моим отцом для проверки моей боеспособности, развеялись, как утренний туман. Ну а раз так, то и действовать нужно было соответственно ситуации. В этот момент у меня возник важный вопрос: что делать? Одна моя половина, умудрённая жизненным опытом, подсказывала, что нужно возвращаться в город, чтобы предупредить о приближающейся опасности. Вторая – юная и дерзкая – рвалась в бой. К сожалению, так же, как и в нашем мире, молодое безрассудство заглушило голос разума, и выбор был в его пользу. Вот старший отряда остановился и подал своим подчинённым несколько знаков руками. Немногочисленное войско быстро разделилось на несколько группок по три человека, которые разошлись в разные стороны и скрылись из виду. «Вот это уже лучше, – прикинул я в уме. – Сражаться с тремя – это всё-таки не с двадцатью одновременно».

Бесшумно покинув своё укрытие, я быстро настиг одну из троек, ту, что была правее всех, и без проблем и шума отправил их души к праотцам: двоих уложил из лука, а третий испустил дух с кинжалом в шее. Легко расправившись с первой группой, я воодушевился ещё больше. Теперь даже сорокасемилетний скептик во мне притих, ожидая, что же будет дальше. Вынув кинжал из тела поверженного противника, я вытер его об его же одежду и через несколько минут, идя по следу, который, как охотничья собака, мог распознать только опытный следопыт, догнал следующую тройку. С этими, к моей огромной радости, тоже проблем не возникло, и их души вскоре полетели вдогонку за своими однополчанами. Я улыбнулся пришедшему на ум определению «однополчане». Вообще-то, это слово у меня почему-то всегда ассоциировалось с пожилыми ветеранами второй мировой, но другого мне в голову в тот момент не пришло.

С третьей тройкой воинов вышло, к сожалению, не так гладко. Стрела, поразившая второго бойца, попала чуть выше сердца, и тот не умер сразу, как его предшественник, а перед тем, как упасть издал глухой звук. Мне было на руку то, что противники шли не плечо к плечу, а на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Это и позволило выкашивать их по очереди, не привлекая внимания остальных. Третий воин тоже был не лыком шит и, услышав голос товарища, быстро среагировал. Сделав широкий прыжок в сторону, он развернулся на лету, выставил перед собой меч и без промедления бросился на меня. Пришлось выхватить из ножен своё оружие и вступить с врагом в поединок. Это был хороший боец, но навыки моего юного тела, а также опыт старого морского десантника перевесили его мастерство. Проведя серию финтов и ощутив на своей коже лёгкий ветерок от просвистевшего в нескольких сантиметрах от моего лица вражеского клинка, я нанёс молниеносный смертельный удар в грудь. Не проронив ни звука, поверженный враг рухнул у моих ног. Но и теперь радоваться было рано – это был всего лишь девятый воин из двадцатки неприятелей, которых я преследовал. К этому времени лёгкий мандраж, возникший в первые минуты боя (всё же по—настоящему я убивал человека впервые), прошёл. Не мешкая, я пустился по следу следующей тройки.

Однако, похоже, на этом моё везение закончилось. Когда я в очередной раз оторвал взгляд от практически невидимого следа, то прямо перед собой увидел бородатые лица преследуемых мной врагов, искажённые гримасой злобы. Похоже, это были все оставшиеся из передового отряда воины, вновь собравшиеся в один отряд. Мечи их были обнажены, глаза горели ненавистью. Наверное, они тоже услышали возглас своего умирающего товарища. Недолго размышляя, бойцы, словно по команде, не издав ни звука, всей толпой ринулись на меня. Видимо, передовому отряду запрещено было шуметь, чтобы не привлечь внимание случайных прохожих из близлежащих посёлков, забредших в лес в поисках грибов или ягод. Враги имели намерение тайком подойти к нашему городу, чтобы застать его жителей врасплох.

Засвистели клинки, разрезая воздух на лоскуты, зазвенели, высекая снопы искр, при ударах о мой меч. Их молчаливая ярость, несомненно, могла бы привести в смятение любого неопытного воина, но только не меня. В жарком поединке все мои чувства будто бы отключились. Для того, чтобы сражаться с десятком врагов одновременно, обычных навыков было недостаточно. Освободившись от всех посторонних мыслей, я крутился между мелькающими вокруг меня мечами и кинжалами, словно волчок, повинаясь понятной только мне интуиции. Похоже, в это время я вошёл в доселе мне неизвестное, изменённое состояние сознания и двигался с невероятной для обычного человека скоростью.

Вот в сторону улетел меч врага вместе с отрубленной кистью, вот просвистевший в воздухе клинок оставил ещё одно тело без головы. Что ж, надо было ей подумать о последствиях прежде, чем вступать со мной в этот поединок. Вот повержен ещё один враг и ещё... Когда передо мной остался всего один человек, только тогда я смог немного расслабиться и обратил внимание, что их предводитель с серьёзным выражением на лице в бой ещё не вступал, а, расположившись поодаль, казалось, с интересом и некоторым удивлением наблюдает за всем происходящим. Пронеслось ещё несколько стремительных секунд, и последний из нападавших, истекая кровью, тоже мирно лежал на мягкой, лесной подстилке из листьев и хвои. Я окончательно вернулся в своё обычное состояние сознания и, насколько получилось, строго взглянул в глаза вражеского командира. На лице воина не дрогнул ни один мускул. Оно оставалось всё таким же серьёзным и сосредоточенным. В нашей дуэли взглядами не победил никто. Тогда в ход пошли более весомые аргументы – наши мечи.

Этот противник был намного опытнее и искуснее своих подчинённых. Нельзя сказать, что его команда состояла из новичков, в разведку таких не посылают, но командир был на несколько голов выше их всех. Теперь мне пришлось действительно не сладко. Прошла минута, пять, десять... а мы всё кружились и скрещивали мечи, не желая уступать. Уступка или слабость здесь была равнозначна смерти. Ещё через пять минут я ощутил, что начал терять силы: слишком много их было потрачено в бою с превосходящими силами противника. Похоже, что опыт моего визави всё же перевешивал мой юношеский пыл и задор. Воспользовавшись моим неосторожным разворотом, воин сделал еле заметное движение телом, и я, непонятно как, очутился лежащим на земле. В голове закружилось, и появилась знакомая мне тошнота. Последнее, что я успел заметить, так это удивлённое лицо застывшего на месте врага с торчащим во лбу наконечником стрелы и стоящего вдали наставника с небольшой группой воинов из отцовской орды.

* * *

Я открыл глаза и осмотрелся. Напротив меня сидела Валентина и с тревогой всматривалась в моё лицо. Она уже один раз присутствовала при таком вот обмороке и была предупреждена мною, что в таких случаях ничего делать не нужно. Не нужно вызывать скорую помощь, не нужно совать под нос ватку с нашатырём... Всё равно ничего мне не поможет, пока я сам не вернусь из своего очередного путешествия. Благо, что часы или дни, проведённые мной в иных мирах, здесь, в реальном времени, исчислялись лишь секундами и минутами. Увидев,

что я открыл глаза, сестрёнка как можно небрежнее смахнула выступившую в глазу слезинку и с волнением в голосе спросила:

– Как ты?

Несмотря на моё предупреждение и объяснения, она всё же переживала за меня. Я, постепенно приходил в себя после всех переживаний и после всего того, что со мной только что происходило. Даже моё дыхание на некоторое время участилось, будто я только что, уже в этом времени, проделал какую-то работу. Словно впервые попав в свой дом, окинул взглядом кухню, которая почему-то показалась мне такой маленькой и тесной.

– Нормально, сестрёнка, – улыбнулся я, но, видимо, мой притянутый за уши оптимизм показался ей не очень убедительным.

– Серёж, – всё еще с тревогой в голосе произнесла Валентина, – может, не поедешь сегодня никуда? Посмотри на себя... Тебе сейчас лучше прилечь, отдохнуть...

Я вспомнил про Нестерова и про то, что у калитки меня уже давно ждёт машина. Конечно, после такого вот путешествия сейчас действительно лучше всего было бы остаться дома, прийти окончательно в себя и отдохнуть, но я привык держать свои обещания, поэтому сказал:

– Нет, Валюша, я уже нормально себя чувствую. Раз обещал человеку помочь, то поеду.

– Неугомонный... – бросила мне сестра с укоризной, и, встав с табуретки, принялась быстро убирать со стола.

Помыв посуду и приправ продукты в холодильник, она начала собираться. Одевшись, она помогла и мне, после чего мы не спеша вышли из дома. Мне было немного грустно. Не так просто вновь возвращаться в своё приближающееся к полтиннику тело и брать в руки опостылевшие мне костыли после того, как буквально несколько минут назад я ещё был молод и полностью здоров. Вдохнув осенний воздух родного города, я бросил быстрый взгляд на свой двор. К кованой железной калитке, выкрашенной в зелёный цвет, вела красивая, аккуратная дорожка, засаженная по оба края кустами роз. Весной во дворе всё утопало в зелени и цветах, сейчас же здесь царили пустота и уныние.

Я перевёл взгляд на мою гордость и отраду – небольшой садик из молодых фруктовых деревьев, который мне помог посадить муж Валентины. Молодые яблоньки и груши всего несколько лет как начали плодоносить, и каждый год были просто усеяны плодами. Сейчас деревца стояли мокрые от прошедшего недавно дождя, и вид их был грустным и жалким. Осенний ветер давно оборвал с них всю листву, полностью обнажив их тонкие и, казалось, такие хрупкие тельца. Мне они сейчас показались несчастными, худыми сиротками, оставшимися без крова и пропитания. Чтобы развеять грустные мысли, пришлось энергично потрусить головой, а для сестры изобразить на лице подобие улыбки.

Повернув ключ в замочной скважине, я, чуть склонившись, незаметно сунул его в потайную щёлку возле порога. Живу я в частном доме, построенном ещё моим дедом до Великой отечественной войны, и этот тайничок придумал он.

Как только мы вышли со двора, боковая дверь фургона скорой помощи отъехала в сторону, и оттуда выпрыгнул крепкого телосложения мужчина неопределённого возраста в белом халате, медицинской шапочке и маске на лице. Седой шофёр, тупо пьялившийся куда-то вдаль сквозь лобовое стекло, также был в маске. После объявления пандемии коронавируса, ношение масок являлось обязательным требованием ко всем обычным жителям, а к медикам особенно. Я только мысленно улыбнулся. Нельзя сказать, что я не верил в эту заразу. «Видел» я эту пакость, встречаясь на улице с только что заражёнными ею людьми, но вот, чтобы это было в таких масштабах, до каких эту самую пандемию раздули...

– Вы сестрёнку по пути не подбросите? – спросил я в приоткрытое окно у водителя, подходя к машине.

– Извините, – вежливо отозвался вместо водителя мужчина-санитар или кого там прислали вместе с шофёром. – У нас строгое распоряжение посторонних не брать. Сами понимаете...

– Ладно, понимаю, – согласился я. – Сестрёнка, – повернулся я к Валентине, – давай прощаться, раз такие сейчас строгости.

– Ничего, Серёж, не переживай. Доеду на маршрутках, мне не впервой, – сдержанно улыбнулась она и на прощание поцеловала меня в щёчку. – Так и не побрился, – укоризненно добавила сестра. – Поедешь теперь, вот, на люди не бритым.

– Ничего, переживут люди, – улыбнулся я в ответ, передал костыли санитару и с его помощью влез в машину.

Медик быстро последовал за мной и захлопнул дверь. Только сейчас я на своём тонком уровне ощутил едва уловимые вибрации волнения, исходящие от мужчины. «С чего бы это?» – успел подумать я, и в тот же момент к моему лицу плотно прижался носовой платок, бесхитростно смоченный хлороформом. Моё сознание тут же затуманилось и, кувыркаясь, ухнуло в чёрную дыру. Я провалился в глубокий сон.

Глава 4

Вначале сон был неприятным, со множеством коротких и сумбурных сновидений. Затем мне почему-то приснился гроб, в котором меня хотели заживо похоронить. Широко открыв глаза, я с ужасом наблюдал, как медленно опускалась надо мной массивная крышка, обтянутая белым шёлком, после чего снаружи раздался стук молотков по гвоздям. Пока меня закрывали и заколачивали гвозди, я изо всех сил пытался крикнуть, чтобы сказать, предупредить, что я не умер, что я просто сплю. Но моё горло словно одеревенело, и я не смог выдавить из себя даже звука, не говоря о том, чтобы закричать. От доносящегося снаружи гулко-го, зловещего стука моё сердце завывало вместо меня. Казалось, ещё немного и оно просто разорвётся от безысходности и боли. Было ощущение, что эти гвозди вбивают не в крышку, а прямоком в моё несчастное сердце. Однако, когда гроб опустили в яму, и сверху застучали комья низвергающегося на него грунта, мне почему-то стало спокойно и безмятежно. Я успокоился, словно ничего и не произошло, а лёгкие наполнились свежим воздухом, неизвестно откуда взявшимся под землёй в этой тесной домовине. Прошло ещё некоторое время, и моё сознание вдруг взлетело куда-то ввысь и, словно птица, воспарило: сначала над нашим городом, а затем, поднимаясь всё выше и выше, над всей Землёй. Я парил в невесомости, радуясь охватившему, наконец, мою душу блаженству. Ощувив лёгкость полёта, мой ум, точно кораблик, потерявший управление, тут же пустился по волнам пространных рассуждений, а затем, перед моим внутренним взором поплыли воспоминания прошлых лет.

* * *

Я человек по натуре не жадный. Если знаю, что кто-то действительно в чём-то нуждается, то всегда чем смогу – помогу. Миллионером я никогда не был и всех страждущих облагодетельствовать, естественно, не могу, но людям из ближайшего окружения стараюсь, по возможности, всегда оказать посильную помощь. А вот воровство в любом виде ненавижу с самого детства. В школе, после того как записался на бокс, немного набрался силёнок и подкачал мускулатуру, приходилось не раз «учить» одного неосознательного одноклассника, который, казалось, не мог и дня прожить, чтобы какую-нибудь мелочь у своих же товарищей не потянуть. В школе, особенно в старших классах, я был чуть ли не главным борцом за справедливость. Такой себе Бэтмен местного разлива. На это меня подталкивали как врождённая честность, так и приобретённые мной знания, приходящие свыше.

В общем, такая вот черта характера у меня имелась. Во время моей учёбы в горном техникуме я не раз сталкивался с явлениями несправедливости: и со стороны старшекурсников, и со стороны учителей, но, вот, про кражи мне слышать не приходилось. Может, их действительно не было, а может просто эта информация как-то обходила меня стороной. Тем неприятнее мне было столкнуться с воровством на шахтах, где я работал. Мне всегда казалось, да и отец частенько рассказывал, что шахтёрский коллектив – это что-то крепкое, как монолит, и там друг за друга горой. По сути, так оно и было, в шахте иначе просто не выживешь, но и в этих вот монолитах иногда встречалась трещинка в виде какого-нибудь подленького воришки.

На первой шахте, где я работал сразу после армии, у меня уже в первые дни кто-то спёр новенькие рабочие сапоги. Вместо прочных и надёжных литых сапожек, выйдя в смену после выходного дня, я обнаружил поношенную «скупбрию» – так здесь называли сапоги с характерной ребристостью. На мои жалобы бригадир только хмыкнул, негромко выматерился, но ничего не решил. Делать нечего, пришлось одевать то, что есть, благо, что обувь была хотя бы не дырявая. Гораздо большие неприятности произошли со мной позже, когда, поддавшись искушению, а может в силу каких-то ещё обстоятельств, я перешёл на другую шахту. С первых дней начала моей трудовой деятельности на новом месте я, время от времени, начал слышать от мужиков из нашей бригады о том, что: то у одного, то у другого что-то про-

пало. Всегда пропадала какая-то мелочь, на первый взгляд, вроде бы, ерунда, но главное, что пропажи начались именно с того времени, как я появился в этом дружном коллективе. Кто-то, с явно криминальными мыслишками в голове, видимо, ждал подходящего момента, чтобы начать реализовывать свои тёмные желания. Появление нового, незнакомого никому человека оказалось очень кстати.

Так тянулось несколько месяцев: то у кого-то мелочь из кармана пропадёт, то какая-нибудь вещица. На меня уже как-то косо поглядывать начали, а мне и сказать-то нечего в своё оправдание. Напрямую меня, вроде бы, никто и не обвинял, но мысли-то я читать умею – пришлось, скрипя душой, заглянуть пару раз в головы своих товарищей по работе. Так вот, мысли эти были для меня весьма нелестными. Шахтёры, как уже было сказано, народ дружный, и если такое напряжение возникло, то стоило только небольшой искре, маленькому прецеденту возникнуть, и крепкой мужской разборки мне не миновать. Масло в огонь подливало ещё то, что, в сравнении с другими членами нашего коллектива, я чувствовал себя белой вороной: не курил, не пил, а если и участвовал в праздновании какого-либо торжества, то сидел особняком, так как пьяные разговоры мне были не по душе. Вырос я в семье, в общем-то, не трезвенников и видал, в каком состоянии приходил отец после так называемого шахтёрского бутылка. Сейчас, уже во многом разобравшись, мне всё же трудно было понять: зачем, убивая свой организм под землёй и вдыхая килограммы пыли в лёгкие, зарабатывая всевозможные специфические болячки, которые не поддавались лечению, шахтёры после работы шли и добивали своё здоровье ядами, содержащимися во всех алкогольных напитках. Анализируя всё это со стороны, я понимал, что в глазах бригады, я выгляжу наилучшим кандидатом на «должность» карманника-тихушника. Мне даже кличку за глаза дали – Сектант.

Конечно, я пытался своим особым видением найти вора. О моём даре на новом месте никто не знал. На старой работе самые внимательные и прозорливые уже начали догадываться, что есть во мне что-то необычное, но и там, чтобы наверняка, не знал никто. Я всячески скрывал свои способности и уже с детства каким-то особым чутьём понимал: не нужно их афишировать, добром это не кончится. Эти догадки, наверное, всё же в первую очередь послужили причиной смены шахты. Объявившийся воришка тоже, может быть, что-то чувствовал, но, скорее всего, просто так получалось, что на глаза мне ни разу не попадался. Мне для того, чтобы понять кто вор, и нужна-то была малость – просто взглянуть в его глаза. Но вот и с этим была проблема. Все члены бригады при встрече, словно сговорившись, старались спрятать от меня свой взгляд. Даже Николаич, наш звеньевой, и тот, давая задание, смотрел куда-то мимо меня, будто разговаривал не со мной, а с тем, кто за мной стоял. Всё разрешилось вскоре само собой, но при таких обстоятельствах, что я бы всё отдал для того, чтоб эти обстоятельства тогда хмурым ноябрьской ночью как-нибудь не сложились. Лучше бы меня избили ни за что, чем случилось то, что произошло той ночью.

Переодевшись в рабочую одежду и получив всё необходимое, наша ночная смена спускалась в клетки на свой уровень, который располагался на глубине более километра. Время было позднее, поэтому ехали почти всё время молча. Мужики с хмурыми лицами лишь иногда перебрасывались парой-тройкой фраз да поглядывали по сторонам, переминаясь с ноги на ногу. Уже во время спуска я почувствовал какую-то тревогу. Из-за чего она вдруг возникла, понять я не мог. Но, так как с каждой минутой эта тревога нарастала, то я позволил себе то, чего всё последнее время старался тщательно избегать – «влезть» в голову Михалыча, нашего бригадира, и «послушать», о чём он сейчас думает. Горький опыт моей неудавшейся любви заставил меня тщательно пересмотреть взгляды на мою необычную способность читать мысли. Теперь я прибегал к этому только в крайних случаях. «Сейчас, – подумал я, зафиксировав взгляд на каске Михалыча, – пожалуй, самое время воспользоваться своим даром».

– Виталий Савельевич, – «услышал» я голос бригадира, обращавшегося к начальнику смены, – вчера уже зашкаливало за один и три. Это он говорил про уровень концентрации

метана на нашем участке. При концентрации больше единицы, по правилам техники безопасности, уже необходимо было прекращать работу и поднимать бригаду нагора.

– Да мне насрать, – это уже так эмоционально кричит в ответ начальник смены. Потом немного спокойнее. – Михалыч, ты как будто первый раз замужем, в самом-то деле. Как будто такого никогда не было. Да в обеих тринадцатых лавах такое показание уже, считай, норма. Вы, между прочим, за это бабки получаете и бабки приличные. Ты же знаешь, что Большой Босс (так на шахте за глаза называли её директора, то ли из-за его высокого положения, то ли из-за его реально немалых габаритов) ни за что не даст добро на прекращение работ. Для шахты – это миллионы гривен убытка. Что я ему скажу? Работали, мол, работали, а теперь вдруг отказываются? Ты это понимаешь?

– Да понимаю я всё, – в отчаянии произнёс бригадир, – а если сегодня ещё уровень подскочит? Давно мы мужиков хоронили? Тоже полезли в лаву, когда метан зашкаливал...

– Михалыч, я прошу тебя, не кипишуй раньше времени. Мне недавно докладывали, всё там в норме, так что давай-давай, не выделяйся. Иди. Всё будет нормально.

– Вам легко говорить, не выделяйся, а нам сейчас туда спускаться...

«Теперь более-менее понятно, – подумал я, отключившись от «трансляции», – вот почему сегодня начальство такое хмурое. Звеньевой с бригадиром о повышении концентрации метана ещё вчера разговаривали, но Михалыч только рукой махнул, сказал: «Что я могу? Хочешь – иди сам в инстанцию повыше, вот только в какую, я даже не представляю. Разве что к самому президенту. Ты же знаешь, я уже к начальнику смены ходил. Он ничего не решает, всё упирается в Большого Босса. Тот, видите ли, не одобрит. Этому борову ведь на людей, как выражается Савельевич, просто насрать! Для него бабло превыше всего. Подумаешь, десяток, другой человек погибнет... За воротами, вон, сотни стоят, работу ждут. Большому начальству план подавай, да не абы какой, а повышенный. Ради этого могли хотя бы оборудование новое поставить, вентиляцию улучшить... И опять всё упирается в то же бабло, да и зачем вкладываться, если знаешь, что всё равно найдутся люди, которые и при таких условиях под землю полезут. В общем, что там говорить, сам знаешь, что гусь свинье не товарищ». Тем временем клеть достигла нужной глубины, и мы направились в пешую «прогулку» по штреку до места работы.

Смена началась как обычно. Пока мы шли, я обратил внимание, что датчики концентрации метана, как обычно, укутаны тряпьем, чтобы обеспечить людям моральное спокойствие. Но мне спокойно вовсе не было. Мой персональный датчик уже целых полчаса просто вопил об опасности. Положение было бы довольно глупым, если бы всё было не так серьезно. С одной стороны я чувствовал что-то, а с другой сделать ничего не мог. Как, скажите, я объясню своему начальству, что находиться здесь сейчас крайне опасно. Николаич и сам всё знает, да и остальные мужики в курсе. Взять и бросить работу? Только кто ж меня поймёт и в следующий раз возьмёт в свою бригаду, да и вообще в шахту. Слабаков и плакс здесь не уважают.

Вопрос решился очень неожиданно и специфично. Лишь только мой молоток на несколько секунд утих, как меня кто-то тронул за плечо. Я обернулся. Это оказался наш бригадир. Лицо его было одновременно и серьёзным, и удивлённым, но больше, наверное, недовольным.

– Иди, вон, – он кивнул головой в сторону, – пришли за тобой.

– Кто пришёл? – удивился и я в свою очередь, всматриваясь сквозь угольную пыль в невысокую фигуру мужчины, стоявшего поодаль.

– Говорит, лично Большой Босс тебя требует.

– Меня?! – ещё больше удивился я.

– Тебя, тебя, – не скрывая иронии и явного раздражения, подтвердил бригадир.

– Да на кой чёрт я ему нужен? Может, какая ошибка? – нелепость ситуации начала и меня выводить из равновесия. «Не иначе как какой-то развод», – подумал я. В этот момент я совсем

позабыл про опасность, грозящую всем, поэтому, продолжая размышлять по поводу сложившейся ситуации, вслух добавил. – Да и ночь ведь на дворе.

– Ну, это тебе виднее, на кой... – хмыкнул Михалыч и, ехидно улыбнувшись, добавил, – и какие там у тебя с директором дела могут быть.

– Ничего не понимаю, – продолжал возмущаться я, тем не менее последовав за бригадиром. – А почему по телефону не позвонили? Зачем человека прислали?

– Во-первых, что-то со связью, а во-вторых, не приставай ко мне. Велено идти, так иди. Вот докопался: зачем, да почему?

Тем временем мы подошли к посыльному. Это был мужчина лет под пятьдесят. Его грязное лицо было всё изборозжено морщинами, которые ещё больше были заметны из-за набившейся в них угольной пыли. Незнакомец был такой же чёрный, как и все остальные, кто в это время находился в забое. На человека, только что пришедшего с поверхности, он не очень-то походил. У меня вновь промелькнула мысль о какой-то злой шутке. Вот только кто и для чего хотел надо мной подшутить, я не предполагал. Знал лишь одно, что никаких общих дел с директором шахты у меня не было и быть не могло – и уровень не тот, да и не тот он человек, с которым я хотел бы общаться. «Может быть, где-нибудь в укромном уголке именно сейчас меня хотели проучить, подозревая в воровстве?» – проскочила у меня в голове очередная догадка.

Посыльный же, как только мы подошли, развернулся и, не говоря ничего, бодро зашагал в направлении выхода из лавы. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ним. Обернувшись последний раз назад, я увидел всё ещё неподвижно стоявшего бригадира. С выражением смешанных чувств на лице он молча взирал нам вслед. Словно извиняясь, я пожал плечами и двинулся дальше за незнакомцем. Шли мы быстро. Во время нашего пути я, чтобы прояснить для себя ситуацию, попытался заглянуть в мозг моего спутника. Вот только то, что я увидел, озадачило меня ещё больше. Такого я в своей жизни ещё не встречал. Нет, может быть, есть в мире такие люди, и это, скорее всего, будут очень продвинутые йоги, которые могут останавливать мысли или полностью блокировать любое внедрение в их сознание извне. Но чтобы у простого работяги-шахтёра не было в голове ни единой мыслишки, пусть самой захудалой, такого я понять не мог. Складывалось впечатление, что я, вскрыв потайной сейф, в тайной надежде найти в нём важные, секретные документы, обнаружил лишь один абсолютно чистый листок бумаги. От этих размышлений меня отвлекла мелькнувшая слева фигура человека. Насколько я понимал, это был машинист подземных установок. Он, склонившись возле какого-то оборудования, был занят своей повседневной рутинной работой. Лишь на миг, когда мужчина обернулся, наши взгляды встретились, и я сразу понял – это он. Вот кто доставил мне столько неприятных моментов и переживаний своими мелкими кражами. Первым моим желанием было подойти и набить ему морду за все мои переживания и косые взгляды товарищей по работе. Но, подумав, что теперь этот подлец никуда от меня не денется, скрепя сердце, пошёл дальше.

Уже через десять минут нашей быстрой ходьбы по штреку мои ноги начали уставать. Конечно, я пытался поддерживать себя в нормальной физической форме, но работа не всегда позволяла в свободное время заняться своим здоровьем. Иногда просто хотелось растянуться на мягком диване и тупо высматривать всё то, что показывало наше телевидение. Как говорят на востоке: хвала Всевышнему, не всегда я поддавался этой слабости. Понимая, что ничего полезного в этом зомбоящике не почерпнуть, я выключал телевизор, отключал телефон и садился в медитацию, которая могла длиться по нескольку часов. Такое времяпрепровождение позволяло развиваться духовно, но не физически, поэтому меня несколько не удивило то, что мои ноги стали не такими крепкими, как раньше. Удивила необычная прыть моего спутника. А ведь, судя по его внешнему виду, он был чуть ли не вдвое старше меня. Я уже хотел сделать замечание этому неутомному спортсмену, как услышал подозрительное

потрескивание, исходящее со всех сторон. С этим явлением я был знаком, слава Богу, не практически, а только со слов других горняков. Так потрескивали стенки лавы, предвеля большой выброс метана.

Прислушиваясь и озираясь по сторонам, я немного замедлил ход. Идущий впереди мужчина, словно почувствовав, что я отстал, тоже притормозил, обернулся и быстрым шагом направился ко мне. Подойдя почти вплотную, он, с некоторым раздражением, молча схватил меня за руку и увлёк за собой с такой силой, что я чуть было не растянулся во весь свой рост. Я чудом удержал равновесие и, быстро перебирая уставшими ногами, уже хотел было приласкать этого «товарища» не очень добрым и не очень тихим словом, но через секунду напрочь позабыл о своём намерении. Сначала вокруг воцарилась гробовая тишина. В этой зловещей тишине был слышен лишь гул наших быстрых шагов. Затем отдалённые звуки вновь появились, но поток воздуха, постоянно циркулирующий в шахте, почему-то изменил своё направление, словно вентиляцию включили в обратную сторону. Ну а ещё спустя несколько мгновений раздался глухой хлопок, потом ещё и ещё. Теперь подгонять меня уже не было нужды. Теперь мне казалось, что ноги начали жить своей собственной жизнью и двигались сами собой, унося меня как можно дальше из опасной зоны.

Однако, даже несмотря на всю нашу прыть, убежать в абсолютно безопасное место мне и моему спутнику всё же не удалось. Густое облако угольной пыли вскоре настигло нас, окружив чёрной непроглядной пеленой. Как в армии, по команде «Газы» я тут же затаил дыхание, накинул ремень самоспасателя на шею и откинул крышку футляра. Схватив ртом загубник, наконец, сделал выдох. Я понимал, что мешкать нельзя – вскоре здесь может быть настоящий ад, однако и пробираться в непроглядной мгле без защитных средств было просто нереально – угольная пыль набивалась в рот, нос, уши. Ещё несколько секунд ушло на то, чтобы зажать прищепкой и так уже почти не дышащий нос и одеть очки. Больше мне не удалось сделать ни одного шага. Горячий поток, образовавшийся после взрывов метана, словно былинку, поднял меня вверх и яростно швырнул по направлению нашего движения. «А ведь у мужика с собой самоспасателя-то не было», – подумалось почему-то мне в этот момент. Больше ни о чём я задуматься не успел. Пролетев неизвестно сколько метров по воздуху, я больно шлёпнулся всей своей массой о землю. От сильного удара перехватило дыхание. Я, собрав всю свою волю в кулак, попытался приподняться на руках. Мне это удалось довольно легко, вот только встать и продолжить движение я не успел. Что-то тяжёлое, металлическое с невероятной силой опустилось в районе ступней, придавив ноги. Первое впечатление было такое, будто мои конечности по самые колени вогнали в грунт. От острой боли у меня потемнело в глазах, и я потерял сознание...

Первый раз я очнулся на спине моего сопровождающего. Пыль немного рассеялась, но температура была такая, что, казалось, сейчас весь организм начнёт плавиться, как парафин. Ноги нестерпимо болели и безвольными верёвками болтались где-то внизу. Мой спаситель держал меня за руки и, по-прежнему не ведая усталости, уверенно шагал вперёд без маски и очков. Впрочем, мой рот тоже был свободен. Куда подевался самоспасатель, я не знал.

– Батя, – еле слышно обратился я к мужчине, но почему-то был уверен, что он меня слышит. – Батя, ты кто?

Незнакомца, видимо, вовсе не удивил мой, казалось бы, нелепый вопрос, заданный в такое неподходящее время. Но меня почему-то сейчас интересовало именно это.

– Называй меня дядей Захаром, – наконец услышал я его голос. В тот момент из-за состояния, в котором пребывало моё тело и моё сознание, я даже не понял, что ответ Захара я вовсе не услышал ушами, а каким-то образом ощутил его непосредственно в голове.

– А фамилия, – не мог уговориться я, понимая, что если останусь жив, то этого человека непременно нужно будет разыскать и отблагодарить.

– Шубин, моя фамилия, – спокойно ответил тот. – Захар Шубин.

– Спасибо тебе, дядя Захар, – произнёс я и снова лишился чувств.

Второй раз я пришёл в себя уже на больничной койке. Всё тело болело, будто его хорошенько поколотили палками, а вот ноги я почти не чувствовал. Находясь в таком вот удручающем состоянии, первой моей мыслью была: «Жаль, что не смогу набить морду тому воришке...» Продолжая заново осознавать реальность, в которой находился, я вдруг осознал всю глупость и цинизм этого моего желания. По сути, а также по карме он своё уже получил, может даже с лихвой. «Так что, дружок, забудь про всё, что было, и продолжай жить, раз тебе это кто-то свыше позволил», – сказал я сам себе.

Со мной в палате находилось ещё несколько человек, видимо, также пострадавших во время аварии в шахте. Я продолжал лежать с закрытыми глазами и прислушиваться к своему организму и к окружающим меня звукам. Первое, что я различил, и были голоса моих соседей по палате.

– Больше ста человек поховали, – негромко рассказывал обладатель сиплого голоса.

– Да, беда, – отозвался более молодой собеседник. – Нам-то ещё, можно считать, повезло.

А ребят уже не вернуть.

– Говорят, что перед взрывом в тринадцатой лаве Доброго Шубина видели, – продолжал вещать сиплый.

– Та иди ты! – не поверил молодой.

– Вот тебе крест. Не зря же говорят, что где он появляется, там жди беды...

– Та, не... брешут, наверное, – продолжал сомневаться молодой собеседник.

– Ну, ты... – сиплый пытался подобрать для молодого подходящее сравнение. – Фома ты неверующий, – наконец прохрипел он, не найдя ничего более изощрённого.

Только теперь я вдруг осознал, кто именно меня спас. Легенды о предвестнике катастроф давно были на слуху у любого шахтёра. Вот только в тот момент до меня не дошло, что это именно тот самый Добрый Шубин. Да и по имени его ведь никто из шахтёров никогда не называл, и это тоже сбilo меня с толку. Я перестал прислушиваться к разговору моих соседей, так как моё сознание вновь, без моего ведома, покинуло тело.

В третий раз я очнулся...

* * *

Сознание медленно выпутывалось из трясины небытия, словно паук, увязший в вязком киселе. Вскоре я начал понимать, что всё, увиденное мной до этого момента, было лишь ярким воспоминанием моей прошлой жизни. Шахта, воришка, мой загадочный спаситель... Если бы не он, то остался бы и я в той проклятой тринадцатой западной лаве. Меня до сих пор терзал один вопрос: почему именно я? Почему этот Шубин выбрал из сотни шахтёров именно меня?.. Если со сном было всё понятно, то теперь вставал другой вопрос: где я сейчас, и что со мной, вообще, произошло? В желудке непонятно от чего мутило, а голова ужасно болела, будто в ней бесперебойно долбила сотня отбойных молотков. Во рту было сухо, как в пустыне. Мысли путались, цепляясь друг за дружку, и вспомнить события, предшествовавшие моему появлению в этом месте, никак не удавалось. «Может быть, меня вновь забросило в какую-то иную реальность», – мелькнула в голове мысль. Но я тут же отнёс это предположение, так как мой опыт предыдущих перемещений во времени доказывал, что это не так.

Из-за непрерывного, монотонного гула уши были заложены, точно в них натолкали ваты. С одной стороны, это позволяло хоть как-то сосредоточиться, но шум, несомненно, придавал ещё больше страданий моему несчастному мозгу. Я сделал глотательное движение горлом, и «вата» исчезла, зато усилилось давление на барабанные перепонки, и ещё больше разболелась голова. Вдруг на фоне этого шума я чётко различил чьи-то голоса. Разговаривали мужчины. Говорили громко, не опасаясь, что их кто-то услышит. Гул двигателей самолёта, в котором я куда-то летел (а если быть точным, то меня летели), не препятствовал этой беседе и позволял мне расслышать каждое слово.

– И на кой этот калека кому-то понадобился, чтобы из-за него самолёт гонять? – сказал один из мужчин.

– Тебе то что? – грубо отозвался другой. – Тебе бабки заплатили, вот, и сиди, помалкивай в тряпочку.

– Да я что, я ничего, – немного стушевался первый. – Интересно просто.

– Интересно ему, – буркнул второй. – Меньше знаешь, крепче спишь, а иногда и дольше живёшь.

– И то верно, – согласился первый, и разговор прекратился.

В этот момент у меня в голове будто что-то щёлкнуло. Я вдруг вспомнил всё, что со мной произошло, и у меня в мозгу сложились все пазлы. Я припомнил как садился в машину скорой помощи, как в нос уткнулся сырой платок, скорее всего, смоченный каким-то эфиром. Дальше был провал, но вот судя по моему нынешнему состоянию, мне, кроме того что усыпили, ещё и какую-то наркоту вкололи. Теперь я понимал, что это было банальное похищение, вот только для чего? Выкупа от меня никто не дожждётся, так как больших денег за мной никогда не водилось. Дом у меня, конечно, неплохой, но вот оформлять его на какого-то дядю меня даже под пыткой не заставят. Открывать глаза я не пытался, так как прекрасно ощущал на голове тугую повязку. Тогда я попробовал слегка пошевелить руками. Кисти оказались скованными наручниками. Были ли как-то зафиксированы ноги, ответить было трудно. Во время аварии на шахте, упавший на меня металлический предмет превратил в кашу все кости от подошв до коленей. Наши доблестные хирурги, за что им особая благодарность, смогли из этого месива что-то слепить, но чувствительность в этой зоне так и не восстановилась. Чуть сдвинув правый локоть в сторону, я упёрся во что-то твёрдое. Левым локтем я ощутил такую же преграду. «Где это я лежу? – тут же возник вопрос, и от догадки, которая внезапно пришла в голову, тело бросило в холодный пот. – Да я же в гробу!»

Глава 5

– Дивись, дивись, заворушився москалик³, – услышал я голос третьего мужчины, говорившего на украинском языке и до сих пор помалкивавшего где-то в сторонке.

– Очухался, – констатировал факт первый.

– Эй, дядя, проснулся? – это уже меня окликнул второй голос.

Видеть я никого не мог, поэтому для себя так и определился: Первый, Второй и Третий. «Куда ж это меня собираются транспортировать в такой своеобразной таре?» – подумал я. Впрочем, почему именно такой вид «упаковки» живого груза избрали похитители, понять было не сложно. Так им, видимо, было проще всего меня вывезти из Донецка на противоположную сторону границы. Усыпили, накачали наркотиком, не удивлюсь, если ещё и пудрой присыпали, для пушей схожести с трупом. Вывозили, конечно, на авто, а потом, уже на своей территории перенесли в самолёт. Из-за меня вряд ли будут гонять международный лайнер. Скорее всего, это какой-то частный самолёт, которому не нужно большого разбега, и который сможет приземлиться на относительно небольшом аэродроме, а то и вовсе на автостраде. Сейчас у каждого уважающего себя миллионера имеется такой.

Вот только кому и зачем я понадобился, сколько не напрягал я свою больную голову, понять так и не смог. «Эх, – думал я, – жаль, что глаза завязаны». Я много чего умел такого, о чём обычные люди разве что только мечтать могут. Как минимум, залез бы похитителям в голову и кое-что для себя прояснил. Всем был хорош мой дар, но вот проделывать что-либо с человеком я мог только тогда, когда хотя бы раз загляну в его глаза. О такой своей особенности я никогда никому не говорил, разве что только Валентине. Но она женщина не из болтливых и обмолвиться, я уверен, об этом никому не могла. Отсюда следовал вывод, что повязка на глазах не из-за страха передо мной, а, скорее всего, из элементарной предосторожности и конспирации: чтобы я не видел тех, кто будет со мной тесно контактировать, и не видел дорогу, куда меня везут. Впрочем, по тому разговору, который я расслышал при пробуждении, эти люди и сами толком не знали ни кто я такой, ни куда меня перевозят. Видимо, это были рядовые исполнители, выполняющие чьё-то задание. И здесь вновь вставал неразрешимый пока вопрос: чьё задание они выполняли?

– Проснулся, – ответил я на вопрос Второго, с трудом ворочая пересохшим языком, и сразу добавил. – Воды дадите напиться?

– Ти диви! – возмутился хохол. – Зараз йому води, а потім поссать його веди⁴.

– Не шуми, Микола, – отозвался Первый соглядатай. – Может это его после наркоты сушит. Дай ему напиться, а то ещё помрёт по дороге, а нам потом отвечай.

«Ага, – подумал я, – значит, мои догадки по поводу наркотика, к сожалению, оказались верными».

– Это точно, – согласился с Первым Второй, – нам велено доставить его в лучшем виде. Не дай Боже с ним чего случится – нас по головке не погладят.

– Тобі треба, то сам йому і давай воду. Буду я ще усякого сепаратиста водою поїти⁵, – упёрся хохол.

Тем не менее я почувствовал, как кто-то засовывает мне под шею ладонь.

– Вставай, дядя, – услышал я прямо над ухом голос Первого, – я воды дам.

³ Дивись, дивись, заворушився москалик (укр.) – смотри, смотри, зашевелился москалик.

⁴ Ти диви! Зараз йому води, а потім поссать його веди (укр.) – Ты смотри! Сейчас ему воды, а потом поссать его веди.

⁵ Тобі треба, то сам йому і давай. Буду я ще усякого сепаратиста водою поїти (укр.) – Тебе нужно, то сам ему и давай. Буду я еще всякого сепаратиста водой поить.

С его помощью я с трудом присел на своём жёстком ложе. Всё тело затекло и болело от долгого лежания в одной позе. «Шавасана, туды твою мать», – с горькой иронией вспомнил я название «позы мёртвого» в йоге. К губам прикоснулось горлышко фляги. Придержав её руками, я с наслаждением выпил почти всю воду, которая в ней была.

– Можно я немного посижу, – попросил я, так как возвращаться в исходное положение не было никакого желания – отоспался и отлежался, наверное, на год вперёд.

– Посиди, – великодушно разрешил Второй. Видимо, он был в этой тройке старшим.

– А повязку с глаз не снимите? Давит сильно.

Я на авось попытался воспользоваться добротой моих надзирателей ещё разок.

– От же ж людина! – воскликнул со своего места хохол. – Йому як мёд їсти, так і ложку подавай.⁶

– Не велено, – коротко и строго ответил Второй. – Потерпи. Скоро будем на месте, там уже будешь разговаривать со своими хозяевами, у них и попросишь.

«Вот даже как, – подумал я. – У меня уже хозяева имеются. Выходит, я уже не человек, а раб бесправный. Безрадостная перспективка вырисовывается, однако».

Я, конечно, мог сам сорвать с лица эту ненавистную тряпку, но я не знал какими полномочиями наделены охранники на случай моего неповиновения. То, что убивать они меня не будут, было ясно из их разговора, но вот что они предпримут, если я сниму повязку? А что смогу сделать я, с моими-то ногами? Даже если и успею обезвредить своих надзирателей, всё равно далеко не убежишь. Куда мы летим и как долго – тоже неизвестно. Я немного напряг свой мозг, «прощупывая» окружающее меня пространство. Помещение, как я сразу и предположил, оказалось небольшим. Я определил наличие трёх человек в салоне и двух чуть поодаль, видимо, – это пилоты. От напряжения голова разболелась ещё больше, и я вернул свои мысли к размышлению о побеге. Ничего обнадеживающего пока что не вырисовывалось. Выходило, что, как ни крути, придётся подчиняться указаниям этой троицы, во всяком случае пока.

Наощупь я двумя руками начал не спеша массировать задеревеневшее тело. Повернулся вправо, влево, поворочался с одной ягодицы на другую. Тошнота, вроде бы, прошла, и хотя голова ещё болела, но в целом телу стало легче. Только теперь, после выпитой воды, промывшей желудок, а также незапланированной пищевой паузы, мне дико захотелось есть. Просить чего-нибудь съестного у караульных я посчитал напрасным сотрясением воздуха – этому хохлу воды было жалко, что уж говорить о кусочке хлеба. Вспомнив моё недавнее путешествие в прошлое и аскезы, которые терпел тот юноша, в теле которого я временно пребывал, пришёл к выводу: с голоду не умру, тем более что голодание даже полезно. Желудок ещё некоторое время довольно громко повозмущался, но вскоре смирился с моим решением и утих.

⁶ От же ж людина! Йому як мёд їсти, так і ложку подавай (укр.) – Вот же ж человек! Ему как мёд есть, так и ложку подавай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.